

Виктор Алеветдинов

The background of the cover is a dark, textured blue night sky. A large, glowing yellow paper lantern hangs in the center, with a long red ribbon trailing from it across the sky. Several smaller, similar lanterns are scattered around. In the lower middle, a man and a woman stand on a dark wooden bridge, looking at each other. The woman has long dark hair with a red ribbon. In the background, a city skyline with a pagoda is visible under the night sky, with some cherry blossom branches on the left and right.

Не Влюбляйся под седьмым фонарём

*Как не влюбиться в историю,
которая пишет тебя*

МИСТИЧЕСКОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Виктор Алеветдинов

**Не влюбляйся под
седьмым фонарём**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Не влюбляйся под седьмым фонарём / В. Алеветдинов —
«Автор», 2026

Хан Юри не верит в судьбоносные встречи. Слишком хорошо она помнит ночь, когда прекрасный седьмой фонарь над мостом украл её мать — и весь мир забыл, что эта женщина существовала. Теперь Юри пишет романтические сцены для веб-дорам и слышит чужие недосказанные фразы. Ли Сону — актёр массовки, который умеет становиться кем угодно, кроме самого себя. Их случайная встреча кажется началом драмы: дождь, кофе, испорченный ноутбук, странное совпадение. Но затем обоим звонят те, кого давно не должно быть в их жизни. Голоса обещают вернуть исчезнувших близких, если Юри и Сону найдут седьмой фонарь в проклятом парке Ёнхва. Только в этом парке каждая красивая сцена требует платы: стираются имена, лица, воспоминания. И если их любовь станет слишком идеальной, кто-то обязательно исчезнет из истории.

Содержание

Пролог. Имя не найдено	5
Часть I. Шесть фонарей	8
Глава 1. Кофе для человека, которого нет	8
Глава 2. Актёр массовки	12
Глава 3. Фестиваль начинается после дождя	17
Глава 4. Мёртвая зона	22
Глава 5. Незавершённая фраза	28
Глава 6. Человек, который портит романтику	34
Глава 7. Лавка бумажных желаний	38
Глава 8. Сцена, которой не было в сценарии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Алеветдинов

Не влюбляйся под седьмым фонарём

Пролог. Имя не найдено

В ту ночь парк Ёнхва был почти пуст, а потому казался безопасным. Так принято думать о местах, где некому смотреть: некому и причинять вред. Дорожки блестели после дождя, бумажные фонари у павильона были погашены, а ветер трогал красные ленты на старом дереве, и они тихо терлись друг о друга, словно кто-то перебирал чужие обещания.

Хан Соён шла быстро, но не бежала: бег привлекает внимание. Парк любил мокрую плитку, внезапную руку в нужный миг, испуг, пойманный под удачным углом. Поэтому Соён держала спину ровно, дыхание — негромким, а ладонь дочери сжимала так крепко, что маленькая Юри морщилась, но терпела.

— Мама, больно.

— Ещё немного, — сказала Соён.

В её голосе не было мягкости. Только спешка и честность человека, которому некогда успокаивать ребёнка ложью. Она свернула с главной аллеи туда, где табличка с маршрутом выцвела, а кусты росли гуще, чем позволял туристический план. Когда-то здесь стояли чансын — деревянные стражи, встречавшие проходящих и не пускавшие обратно то, что не должно было идти следом. Теперь от них остались тёмные пни, спиленные ровно, почти заботливо. Так делают, когда потерю выдают за благоустройство.

Юри обернулась на павильон. Над крышей висела не полная темнота: за ветвями и старыми телефонными проводами мерцало ожидание света.

— Не смотри, — сказала Соён.

Девочка повернула голову вперёд, хотя дети умеют не смотреть и видеть одновременно. На её запястье была красная лента, завязанная двойным узлом. Без желания, без имён, без сердечек и дат — только короткая нитяная метка, выведенная чёрной тушью: не брать. Кого не брать, Юри не знала. Чего не брать — тоже.

Возле моста зазвонила телефонная будка: старая, зелёная, с мутными стёклами. Её отключили за три года до той ночи; провода сняли, монетоприёмник заржавел. Днём туристы фотографировали её как милую старину, а ночью она звонила так ясно, словно в городе не осталось других телефонов. Соён остановилась, и Юри почувствовала, как мамина ладонь вспотела. Взрослые руки редко признаются в страхе словами; они делают это кожей.

Звонок был не громким, а точным. Между ударами тишины хватало ровно на то, чтобы человек вспомнил, кого хотел услышать всю жизнь.

— Мы не подойдём? — спросила Юри.

— Нет.

Звонок повторился, и стёкла будки запотели изнутри. На мутной поверхности проступил след ладони — большой, мужской, с длинными пальцами. Соён не двинулась, только лицо её изменилось: не стало мягче, стало моложе. Такое лицо бывает у человека, который на миг получил назад не любовь, а собственную веру в неё.

Трубку никто не поднял, но фраза прозвучала. Не голосом и не словами в воздухе — скорее готовым местом для слов, вложенным прямо в грудь Соён:

«Я всегда знал, что ты пыталась нас спасти».

Фраза была безупречна. В ней не было обвинения, опоздания, усталости живого человека. Она пришла такой, какой Соён когда-то мечтала её услышать: вовремя, нежно, с полным пониманием. Парк умел быть милосердным там, где милосердие открывало дверь.

Соён закрыла глаза на один вдох, потом с силой потянула Юри дальше.

— Мама?

— Это не он.

— Кто?

— Тот, кого я хотела услышать.

На мосту было сухо. После дождя вокруг блестело всё: камни, перила, листья, чёрные пни старых стражей у тропы. А доски моста оставались чистыми и светлыми, словно непогода обошла место, где должен был случиться важный кадр. Под мостом стояла вода, и в ней отражались шесть фонарей павильона, хотя сами огни были погашены. Тогда Юри увидела седьмой.

Он появился не сразу. Сначала воздух посветлел — мягко, как перед началом праздника. Потом из этой бледности собрался круглый бумажный бок, хрупкие рёбра, золотое дно, от которого на воду легла дорожка. Фонарь висел там, где не было ни крюка, ни провода, ни ветки. Он не качался на ветру. Он ждал, и для ребёнка такая красота не могла быть подозрительной.

Свет занимал всё зрение и говорил: иди. Он был тёплым, как ладонь под одеялом, и обещал, что испуг закончится, мама перестанет сжимать пальцы, а Ёнхва снова станет обычным парком с лавками, сладкими рисовыми пирожками и бумажными желаниями. Юри сделала шаг, и красная лента на её запястье дернулась. Не от ветра и не от движения руки. Она натянулась назад, к дереву с красными узлами, уже скрытому за поворотом, и стала тонкой, жёсткой, как поводок.

Юри вскрикнула. Соён резко присела перед ней и взяла лицо дочери обеими руками.

— Слушай меня. Не верь красивой истории. Даже если она говорит моим голосом.

Юри заплакала не от смысла. Смысл был взрослым и острым, как нож в закрытом ящике. Она заплакала от маминого лица: Соён смотрела так, будто пыталась передать ей целую жизнь, которую нельзя унести на руках.

Фонарь над мостом разгорелся. В его свете стало видно пыльцу в воздухе, мокрую прядь у виска Соён, крошечный шрам у неё на большом пальце. Мир стал подобранным, чистым, достойным памяти. Даже слёзы Юри лежали на щеках ровными светлыми точками. Так исчезновение готовило себе оправдание: приводило ужас в порядок, чтобы потом его легче было вспоминать.

Соён поднялась, снова взяла Юри за руку и шагнула к концу моста. За ним начиналась граница старых чансын, последняя линия, которую парк ещё не умел переступить без приглашения. Два пня по сторонам тропы потемнели, будто внутри них на миг проснулась зола. Оставалось три шага, когда отключённая будка зазвонила снова — уже позади, уже будто из другого времени.

Красная лента ударила Юри по запястью болью, и девочка машинально потянулась к узлу. Не развязать — просто понять, почему режет кожу. Её пальцы на миг выскользнули из маминой руки. Совсем на миг. Такие мгновения обычно прощают детям. Их потом называют случайностью, испугом, плохой памятью. Можно рассказать, что рука была мокрой, лента впилась в кожу, свет ослепил. Что мать успела бы схватить её снова, если бы мир оставался миром, а не монтажом с выбранным поворотом.

Юри моргнула, и Соён исчезла. Не было рывка, крика, падения, следа на досках. Только тепло между пальцами девочки и место, которому тело ещё не поверило. Перед Юри лежал мост — тихий, ясный, пустой. Над водой догорал седьмой фонарь, ласковый до вины. Казалось, ничего страшного не случилось: женщина вышла из кадра, отошла туда, где её не нужно было видеть, чтобы рассказ мог продолжаться.

Юри стояла неподвижно. Потом открыла рот и позвала:

— Мама?

Слово упало на доски и не удержалось. Парк не ответил. Будка молчала. Лента на запястье ослабла, как вещь, выполнившая работу. На коже остался тонкий красный след — почти нарядный, если не знать, что так выглядит первый долг.

У старого дерева-стража ветер шевельнул сотни красных лент. Одна была новая: без узла, без просьбы, без имени. На низкой деревянной табличке у корней проступали тёмные знаки, медленно, буква за буквой. Юри ещё не умела читать, поэтому не испугалась надписи: имя не найдено.

Часть I. Шесть фонарей

Глава 1. Кофе для человека, которого нет

Юри ударила ладонью по боковой панели, и кофемашина выплюнула пар в стену. На стекле у стойки дрожали капли; улица пахла мокрым асфальтом, зонтиками и рисовыми пирожками из киоска у парка. Терминал завис на айс-американо, хотя клиентка перед Юри просила латте с овсяным молоком и без корицы.

— Без корицы, — повторила женщина.

— Я слышала.

Фраза не прозвучала вслух. Она легла поверх шипения пара, короткая и сухая, как чек из кассового аппарата: «Не называй его по имени». Клиентка держала телефон экраном вниз. На безымянном пальце у неё остался след от кольца — светлая полоска кожи, вокруг которой загар держался упрямее памяти.

— Имя для заказа?

— Минджу.

Юри написала: МИНДЖУ. Она не имела права спрашивать, кого нельзя называть. Дар был не приглашением в чужую жизнь, а трещиной, через которую тянуло холодом.

К стойке подошёл школьник в форме и заказал карамельный макиато с лишним сиропом. Когда он назвал имя, та же фраза скользнула по залу, будто помеха в радиоэфире: «Не называй его по имени». За школьником стояли курьер в жёлтом плаще, девушка с камерой на шее, пожилой мужчина с монетами на ладони. Все смотрели в телефоны, на меню, в окно — куда угодно, только не друг на друга. Обычное утро: мокрые зонты в подставке, липкий столик у стены, мусорный пакет у двери. И всё же, пока Юри писала имена, по залу переходила одна и та же сухая помеха.

Юри подставила питчер под пар, и молоко закрутилось в стальной чаше. Внутри появилась белая воронка, аккуратная, почти красивая. Она отвернула взгляд первой. Красивые вещи редко лгали сразу; обычно они ждали, пока к ним потянутся.

К десяти она сняла фартук и вышла под низкое серое небо. За деревьями виднелась крыша павильона Шести Фонарей: днём он выглядел туристической игрушкой для афиш и свадебных фотосессий. Красные ленты у старого дерева шевелились на ветру. Возле ограды рабочие крепили баннер фестиваля: «ВЕСЕННИЙ СВЕТ ЁНХВА. ЗАГАДАЙТЕ ЛЮБОВЬ».

В аудитории пахло пылью и разогретым проектором. Преподаватель Квон уже написал на доске: «Судьбоносная встреча как двигатель сюжета». Юри села рядом с Миджин, та поправила камеру на шее и заглянула в её ноутбук. В файле веб-дорамы героиня должна была столкнуться с героем под дождём, уронить сценарий, а он — поднять страницы и сказать фразу, после которой зрительницы писали бы капсом. Юри стёрла эту фразу в четыре утра и заменила на: «Вы наступили на мой текст». Продюсер правку ещё не видел.

Квон повернулся к аудитории. — Судьбоносная встреча работает, когда зритель чувствует: эти двое должны были оказаться в одном месте.

Юри поставила курсор в конец сцены.

— Должны кому?

Миджин прикрыла рот ладонью. Квон вздохнул, как человек, который заранее знал, кого сегодня придётся терпеть.

— Хан Юри, я надеялся, что вы дадите судьбе договорить.

— Удобная позиция для манипулятора. Назвать монтаж судьбой — и никто не спросит, кто расставил людей по меткам.

— Романтическая история требует допущения.

— Нет. Она требует согласия.

За окнами потянулся ветер; капли, застрявшие на раме, побежали вниз разом, словно кто-то дернул нитку. Квон сложил руки на груди и перевёл спор в учебный тон, но Юри слышала в этом не вопрос, а попытку вернуть аудиторию к безопасной схеме.

— Если кофе нужен только для знакомства, сцена плохая, — сказала она. — Случайность подменяет выбор: ущерб превращают в милую завязку.

— А если герои оба не хотят верить в романтический троп?

— Тогда пусть не верят действиями. Не взглядом в замедленной съёмке, не музыкой и не дождём, который включается в нужный момент.

Проектор мигнул. На стене дернулась картинка: мост в парке Ёнхва, шесть огней над водой. Через секунду вернулся слайд про структуру первой встречи. Юри застыла, а Миджин уже смотрела не на экран, а на неё.

— Видели?

— Что именно? — Квон обернулся к стене.

На слайде были только аккуратные пункты: конфликт, контраст, узнавание, крючок. Юри наклонилась к ноутбуку и дописала в сцене: «Героиня не стала смотреть на свет». Потом стёрла. Личное не должно попадать в чужой заказ.

После пары Миджин потащила её обратно в кафе — «на пять минут, я умираю без кофе». У двери толпились посетители: сменщик Юри опаздывал, стажёр перепутал заказы, а кофемашина продолжала утренний спор уже с человечеством. Юри напомнила себе, что она не на смене, но через две минуты стояла за стойкой в расстегнутом пальто и снова писала имена на стаканчиках.

Дверь распахнулась так резко, что колокольчик ударился о стекло. Парень в мокрой куртке влетел внутрь боком. В одной руке он держал папку с актёрскими пробами, в другой — стакан из соседней забегаловки. Волосы прилипли ко лбу, на щеке темнела полоска грима. Он улыбнулся очереди, Миджин с камерой, Юри за стойкой и кофемашине, которая в ответ угрожающе зашипела.

— Доброе утро. Или уже день? Какой вариант звучит менее провально?

— Для кого?

— Для человека, которому сказали: «Вы очень живой, но нам нужен кто-то убедительнее для роли трупа».

Миджин прыснула. Юри не улыбнулась и потянулась к стаканчику.

— Заказ?

— Американо. Горячий. Чёрный. Как моя карьера, но с шансом на сахар рядом.

Он говорил легко, отработанно, будто сцена провала была материалом для шутки. Юри слышала под этим напряжённый обрывок, спрятанный за улыбкой: «Пожалуйста, не решай, что я смешной». Она подняла глаза. Парень замолчал на полсекунды — возможно, заметил её взгляд, а возможно, привык проверять, кто в комнате увидел его, а кто только услышал удачную реплику.

— Имя?

— Ли Сону.

Она написала: СОНУ. Маркер чуть скрипнул по бумаге, и парень посмотрел на стаканчик так, будто там появилось не имя, а временное удостоверение личности.

— Красиво пишете.

— Это не услуга. Это идентификация заказа.

— Значит, мой кофе уже официальнее меня.

Он полез в карман, папка выскользнула из-под локтя, стакан из забегаловки качнулся, и дальше всё произошло как по учебнику, который Юри час назад отказалась уважать. Крышка

слетела. Тёмная жидкость плеснула на раскрытый ноутбук рядом с кассой, растеклась по клавиатуре и добралась до страницы сценария, где героиня стояла под дождём и пыталась не влюбляться в человека с зонтом.

Миджин опустила телефон. Сону побледнел.

— Я заплачу. Только скажите, что он был не слишком дорогой.

— Он был с дедлайном.

Сону закрыл рот. Юри поставила ноутбук на сухую салфетку. Экран мигнул, погас, снова ожил. По нему побежали полосы; открытый файл дернулся, текст сцены распался на чёрные квадраты, потом собрался в одну строку. Не в её строку: «Седьмой фонарь вернёт имя тому, кого ты отпустила».

Юри перестала дышать. В кафе ничего не изменилось: кто-то за соседним столиком смеялся над видео, кофемашина выдала паровой вздох, стажёр у выдачи трижды повторил заказ клубничного латте для Джиин. Сону стоял перед стойкой с лицом человека, готового быть виноватым во всем, кроме того, что не помещается в обычную вину.

— Это вы сделали?

— Что?

— Текст.

— Я пролил кофе. Это уже солидный список преступлений, но литературного взлома там нет.

— Вы видели, что было на экране?

— Полосы. Потом... — Он запнулся. — Не успел прочитать.

Ложь прозвучала бы громче. Юри слышала недосказанное: «Я видел слово фонарь». Сону не понимал, почему оно его задело, и уже пытался спрятать реакцию в улыбку. Она закрыла ноутбук, но строка осталась внутри, как отпечаток на веках.

— Повторите.

— Что именно?

— Что вы увидели.

Сону сглотнул.

— Седьмой фонарь. Дальше не разобрал.

У Юри под пальцами хрустнула салфетка. В детстве взрослые говорили ей, что память врёт от страха. Потом — что дети дорисовывают потерю, чтобы получить внимание. Потом отец перестал злиться и начал уставать, что было хуже. В квартире не осталось фотографий матери, документов, вещей с именем. Только пустое место у окна, куда он иногда ставил вторую чашку и сам не замечал этого. «Кого ты отпустила» — вот что экран сказал на самом деле, и Юри чересчур хорошо знала, к кому это обращено.

— Уходите, — сказала она.

Сону выпрямился.

— Я заплачу. За ремонт. Или за новый ноутбук. Не сразу, но могу подписать расписку, отработать баристой...

— Уходите.

Теперь в её голосе было то, что люди принимали за грубость: Юри так говорила, когда страх находил старый шрам и нажимал ногтем. Сону кивнул. Шутка не появилась. Он достал из папки чистый лист, написал номер телефона и положил его на сухой край стойки.

— Я правда не хотел.

Юри не ответила. Он ушёл, задев плечом колокольчик. Тот звякнул поздно, когда дверь уже закрылась, будто звук немного отстал от действия.

— Юри, — тихо сказала Миджин. — Что там было?

— Ошибка файла.

— Ты выглядишь не как человек, у которого ошибка файла.

— А как кто?

Миджин не стала отвечать. За это Юри была ей благодарна. Она открыла ноутбук снова. Экран включился на секунду; вместо строки сценария — пустое белое поле. Фразы про седьмой фонарь не было. Только в углу мигал значок несохранённого документа, а по клавише «Ё» медленно стекала капля кофе.

— Клубничный латте для Джиын! — позвал стажёр.

Никто не подошёл.

— Джиын? — повторил он громче.

У окна выдачи стоял стаканчик с розовой пенкой. На нём минуту назад было написано имя — ДЖИЫН, неровными буквами стажёра. Теперь по бумаге расплывалось тёмное пятно, хотя картон оставался сухим. Чернила исчезали внутрь, как будто стакан вспоминал, что на нём никогда ничего не писали.

Девушка с камерой на шее нахмурилась.

— Это мой?

— Ваше имя? — спросил стажёр.

Она открыла рот. На лице мелькнуло раздражение, потом недоумение.

— Я... Я заказывала клубничный?

Юри взяла стакан. Бумага была сухой, а место, где должно было быть имя, стало чистым. Из очереди донеслось уже знакомое, чужое и общее: «Не называй его по имени». Юри поставила стакан обратно так осторожно, словно внутри была не пена, а хрупкая кость.

Телефон в кармане завибрировал. Она достала его не сразу. Сначала посмотрела на дверь, за которой исчез Сону, потом — на аллею у парка за запотевшим стеклом. Баннер фестиваля бился на ветру. Красные ленты у старого дерева дергались в разные стороны, но одна была неподвижна, натянута к ограде тонкой линией. На экране телефона горело уведомление о пропущенном звонке. Номера не было — только подпись, которую не должен был знать ни один оператор связи: Мама.

Глава 2. Актёр массовки

Сону велели романтично обернуться на счёт три: не на два с половиной, как в первом дубле, потому что главная героиня уже успевала пройти мимо и камера ловила только его затылок; не на четыре, как во втором, потому что режиссёр сказал: «Ты что, вспоминаешь школьный долг?» На три. Ровно. С лёгкой задержкой дыхания, будто в груди героя что-то узнало любовь раньше головы.

Он стоял у искусственной автобусной остановки, где дождь шёл только в пределах кадра. За жёлтой линией павильона пол был сухой, кабели лежали чёрными змеями, ассистент жевал кимпаб, а осветитель подкручивал прибор так, чтобы капли за спиной главной пары светились маленькими обещаниями. В руке у Сону был бумажный стакан без кофе. Его роль называлась «прохожий с напитком».

— Массовка, готовность! — крикнул ассистент.

У массовки не было имён. У них были куртки, зонты, сумки, сменная обувь и задача не мешать любви случиться на фоне.

Режиссёр ткнул ручкой в Сону. — Ты, в серой куртке: когда она проходит, обернись. Не влюблённо. Романтично.

— Между этими режимами есть профессиональная разница?

Рядом кто-то фыркнул. Режиссёр посмотрел вверх монитора.

— Разница в том, что влюблённо ты забираешь внимание. Романтично ты подтверждаешь атмосферу.

— Понял. Быть влажной архитектурой чувства.

— Молчать тоже можно романтично.

Сону улыбнулся. Это было проще, чем показать, куда попала фраза.

Дубль пошёл. Главная героиня выбежала из-под навеса, главный герой схватил её за запястье, дождь включился без задержки. Сону сделал шаг, поднял стакан к губам и обернулся на счёт три. Он не переиграл — только на долю секунды позволил лицу стать живым: прохожий увидел чужую любовь и вспомнил свою, которой у него не было.

— Стоп! — сказал режиссёр.

Дождь оборвался. Вода продолжала стекать по волосам актрисы, но за камерой уже двигались люди с полотенцами. Режиссёр позвал монтажёра к монитору и ткнул пальцем в экран.

— Вот. Видишь? Он тянет глаз. Убрать.

— Меня? — уточнил Сону, хотя вопрос был лишним.

— Твой поворот. В финальном кадре останешься плечом. Может, стакан.

— У стакана хороший агент?

Ассистент улыбнулся не ему, а в планшет. Главный актёр, сухой под большим зонтом, мельком взглянул на Сону и тут же отвернулся. У людей первого плана был особый навык: они не игнорировали массовку, а смотрели сквозь неё с вежливой экономией зрения.

Сону вернулся на метку. На полу она была отмечена кусочком синей ленты — маленьким прямоугольником клея, где ему разрешалось существовать.

После съёмки он переоделся в углу павильона, между коробкой с искусственными цветами и стойкой с чужими куртками. В зеркале гримерки лицо осталось полосатым от небрежно смытого грима. Сону провёл салфеткой по щеке, но тёмная линия только размазалась. Получилось так, будто его уже начали вычеркивать, но устали на середине.

Дэхён ждал у служебного выхода с телефоном в одной руке и пакетом кимпаба в другой. Белый халат торчал из-под пуховика: он пришёл сразу после практики и выглядел человеком, который в любой непонятной ситуации мог измерить пульс и испортить драму фактом.

— Ну что? Сыграл автобусную остановку?

— Почти. Вырос до стакана.

— Повышение.

— Да. Если завтра не вырежут стакан из-за чрезмерной харизмы.

Дэхён протянул пакет.

— Ешь. Твоя глюкоза ниже актёрского достоинства.

— Спасибо, доктор холодных диагнозов.

Они вышли к метро. Возле павильона висел рекламный баннер фестиваля Ёнхва: бумажные фонари, мост, пара со сплетёнными пальцами. Под слоганом «НАЙДИ СВОЙ СВЕТ» кто-то чёрным маркером пририсовал маленькую стрелку вниз, к водостоку. Сону задержал взгляд, и Дэхён заметил это слишком быстро.

— Ты опять туда?

— Куда?

— В парк. На лице написано.

— На моём лице сегодня написано «удалить из кадра».

— Сону.

— Я не собираюсь. У меня работа, домашнее унижение и лапша быстрого приготовления.

Дэхён пошёл рядом, не ускоряясь. Он всегда оставлял людям пространство для лжи, но шёл так, будто мог поймать их, если они упадут.

— Юри тебе ответила?

Сону поморщился. После кафе он отправил сообщение на номер, который оставил на стойке: «Это Ли Сону. Человек, который убил ваш ноутбук. Я правда оплачу ремонт». Потом ещё одно: «Если легче, можете проклясть меня официально, я прочитаю вслух». Ответа не было.

— Нет.

— Она могла заблокировать тебя.

— Это грубо.

— Ты пролил кофе на её ноутбук.

— Блокировка — разумно.

— А ты зачем хочешь извиниться лично?

Сону подтянул шарф выше. В переходе метро пахло мокрой шерстью, пылью и жареными каштанами от лотка у входа. На экране над турникетами мигала та же фестивальная афиша: шесть фонарей над водой, золотые буквы, счастливые люди без мокрых носков.

— Потому что личное извинение лучше звучит.

— Для кого?

Сону не ответил. Под шутками шевельнулась неприятная мысль: он хотел увидеть, как Юри на него посмотрит. Не как на парня с кофе, не как на удобную катастрофу для чужого утра, а как на человека, который не только портит сцены.

В вагоне Дэхён уткнулся в телефон, а Сону смотрел в тёмное окно. В стекле отражались пассажиры: студент с красным рюкзаком, женщина с букетом, ребёнок, спящий на коленях у отца. Сону видел и себя — лицо, которое легко становилось любым нужным лицом, если чуть поменять угол губ, движение бровей, вес голоса.

Когда-то отец говорил, что у него хорошие уши. Не музыкальные — чужие. Сону слышал, как человек держит себя в звуке, и мог повторить почти точно: усталость кассира, раздражение преподавателя, мягкую ложь менеджера на кастинге. В детстве это смешило взрослых. Потом стало полезным. Потом — опасным, потому что чем точнее он копировал других, тем труднее было понять, где его собственный голос, если его никто не просил.

Дома он включил старый ноутбук, который гудел так, будто внутри работал маленький завод. На столе лежали распечатки кастингов, банка с монетами и приклеенная скотчем фотография отца у каскадерской площадки. На снимке отец смеялся, повернувшись не к камере,

а к кому-то за кадром. Сону с детства ненавидел эту деталь: важный человек всегда стоял не там, где его можно увидеть.

Он открыл папку «Пробы». Видео шли по датам: на первом он был моложе на четыре года и делал вид, что не боится камеры; на втором плакал по команде; на третьем признавался в любви, пока режиссёр за кадром просил: «Меньше лица». Потом был дубль, где он споткнулся, все засмеялись, и кастинг-директор сказала: «Вот это оставим, ты смешной».

Сону перемотал, но смешок из записи всё равно остался в комнате. На стекле окна отражались стол, лампа и его плечи. Он взял чёрный маркер, которым обычно подписывал папки, и провёл линию прямо по отражению своего лица. Потом вторую. Третью. Чернила легли неровно, оставляя просветы там, где свет лампы бил сильнее.

В комнате стало странно спокойнее. Стол был. Лампа была. Фотография отца была. А лица Сону в окне почти не осталось.

— Ну? — сказал он пустой квартире. — Заметили?

Холодильник щёлкнул. Сосед за стеной рассмеялся над шоу. Телефон не загорелся, и Сону бросил маркер на стол.

В нижнем ящике лежали кассеты отца — старые, с подписями разными почерками. Мать хотела выбросить их два года назад, когда сказала, что человек, который ушёл, не должен занимать полку. Сону забрал коробку себе. Не из преданности, а из злости: если отец и правда бросил их, пусть хотя бы его голос оставался уликой.

Он вставил кассету в плеер. Пластик щёлкнул, лента зашуршала. На записи отец объяснял кому-то, как падать с лестницы без перелома. Голос звучал живо, близко, с той лёгкой насмешкой, которую Сону иногда ловил у себя и ненавидел.

— Не держи локоть жёстко, — говорил отец. — Зритель любит правду, но платить за неё костями не обязан.

Сону усмехнулся. Потом плёнка треснула помехой. Голос отца исчез на три секунды и вернулся другим — ниже, ближе к уху, без шума площадки.

— Сын, я не бросал тебя. Меня вырезали.

Сону дернулся так, что стул ударился о стену. Плеер продолжал крутить ленту; на записи снова слышались люди, команды, чужой смех. Отец говорил про страховочный мат, как будто ничего не случилось. Сону нажал стоп, перемотал назад и включил снова.

— ...локоть жёстко. Зритель любит правду, но платить за неё костями не обязан.

Помеха снова прошла по комнате.

— Сын, я не бросал тебя. Меня вырезали.

Сону остановил запись и долго сидел, не двигаясь. В горле пересохло. Он знал эту кассету наизусть. Там не было этой фразы. Там отец шутил про мат, потом кто-то ронял стойку, потом запись обрывалась. Он слушал её в четырнадцать лет, в семнадцать, в двадцать один, когда решил бросить учёбу и идти в актёры, хотя мать неделю разговаривала с ним через закрытые двери. Фразы не было.

Телефон на столе завибрировал. Экран светился без номера: не «неизвестный», не «скрытый», не набор цифр, а пустая строка, будто звонило место, где номеру некуда было встать. Сону взял трубку не сразу. Плеер под пальцами был тёплым, а за окном, перечеркнутым чёрным маркером, город отражался кусками: лампы, мокрые крыши, красный огонёк с вышки.

Звонок оборвался. На экране появилось уведомление о пропущенном вызове без номера, и через секунду телефон зазвонил снова. Сону ответил.

Сначала он услышал дыхание. Не человеческое — плёночное, с лёгким шорохом, как между словами на старой кассете. Потом голос отца произнёс:

— До конца фестиваля.

Сону зажал телефон крепче.

— Кто это?

— Найди седьмой фонарь, сын.

Он мог бы бросить трубку. Мог бы решить, что это розыгрыш, монтаж, вирусная реклама фестиваля. Но голос сделал маленькую вещь, которую не знали чужие люди: на слове «сын» он чуть выдохнул через нос, будто хотел засмеяться и не разрешил себе. Так отец говорил только дома, когда мать делала вид, что не слышит их ночные разговоры на кухне.

— Отец?

В трубке щёлкнуло. Где-то вдали прозвенел старый механический аппарат.

— Меня вырезали, — сказал голос. — Но имя ещё держится. Найди фонарь.

— Где ты?

— Там, где свет делает людей главными.

Связь пропала. Сону не опускал телефон, пока экран не потух. Потом встал, подошёл к окну и провёл пальцем по чёрной линии на стекле. Маркер размазался. В отражении у него не было глаз.

Он набрал Дэхёна. Тот ответил после второго гудка.

— Если ты опять про философию массовки, я сплю.

— У меня кассета заговорила.

Пауза вышла слишком длинной.

— Ты ел?

— Дэхён.

— Понял. Не ел. Что значит заговорила?

Сону пересказал не всё. Он не сказал, как отец произнёс слово «сын»: такие детали, если отдать их скептику, становятся симптомом. Он сказал про фразу, звонок и седьмой фонарь. Дэхён молчал дольше обычного, и это молчание было хуже любой насмешки.

— Завтра принеси кассету.

— Ты думаешь, я спятил?

— Я думаю, у старых плёнок бывают дефекты. У людей, которые весь день снимались под искусственным дождём, тоже. Но фразу надо проверить.

— А звонок?

— Телефон тоже принеси.

— Ты умеешь утешать так, что хочется лечь в морг и доказать тебе обратное.

— Отлично. Если ляжешь, не романтично оборачивайся.

После звонка стало хуже. Дэхён не поверил, но не высмеял. В этом была его особая жестокая забота: он оставлял двери открытыми именно настолько, чтобы в них мог войти страх.

Сону почти не спал. Под утро он снова включил кассету, и фраза осталась. Потом он повторил её вслух — не специально, просто проверяя, как она ложится на язык.

— Сын, я не бросал тебя. Меня вырезали.

Голос вышел отцовским. Не похожим — тем же. Сону замер с открытым ртом. В комнате не было никого, кто мог бы испугаться за него. Он произнёс фразу ещё раз, уже своим голосом, хриплым после бессонной ночи, потом снова отцовским. Разница была не в тембре: внутри горла будто открывалась чужая привычка держать боль.

Он закашлялся, пока глаза не заслезились. На столе под чашкой лежал лист с номером Юри, переписанный по памяти. Сону не знал, почему думал о ней именно сейчас. Возможно, потому что строка на её ноутбуке тоже говорила про седьмой фонарь. Возможно, потому что она смотрела так, будто знала: красивые совпадения не бывают подарками.

Кафе «Поздний дождь» открылось в девять. Сону пришёл к десяти, когда можно было надеяться, что утренний поток схлынет. По дороге он купил внешний накопитель: ноутбук он оплатить сразу не мог, а прийти с пустыми руками казалось ещё одной ролью — бедный обаятельный виновник просит снисхождения.

Колокольчик над дверью звякнул. Юри стояла за стойкой. Волосы были собраны карандашом, под глазами лежали тени, на рукаве чернела точка кофейного сиропа. Она подняла взгляд, и лицо её закрылось до последней черты.

— Нет, — сказала она.

— Я ещё ничего не сказал.

— Поэтому экономлю время.

— Справедливо. Но я принёс компенсацию первой степени. — Он поднял пакет. — Накопитель. Не ноутбук, но уже предмет, который не проливает кофе.

— Мне не нужны ваши предметы.

— Тогда расписка. Нотариально не заверена, но написана человеком с трагической финансовой перспективой.

Он положил пакет на край стойки. Юри не взяла. За её плечом стажёр подписывал стаканчики; маркер скрипел по картону. У окна сидела девушка с клубничным латте и смотрела в телефон так, будто пыталась вспомнить пароль от собственной жизни.

Сону заметил на стойке телефон Юри. Экран был чёрным, но в стекле отражался баннер фестиваля за окном: шесть фонарей и пустое место над мостом, которое художник, видимо, оставил для слогана. Или не для слогана.

— У вас вчера тоже был звонок? — спросил он тихо.

Юри не изменилась лицом. Только пальцы на крышке стакана сжались.

— Что?

— Без номера.

Она медленно положила крышку.

— Откуда вы знаете?

Сону достал телефон и открыл журнал вызовов. Пустая строка. Пропущенный. Входящий. Без цифр, без имени, без возможности перезвонить. Юри смотрела на экран, потом взяла свой телефон со стойки. На нём было такое же уведомление, только подпись другая. Он не успел прочитать полностью: увидел первую букву, и Юри резко перевернула аппарат экраном вниз. Но этого хватило. Подпись была не номером и не контактом, а словом, от которого у неё на лице исчезла вся защита, кроме злости.

— Кто звонил вам? — спросила она.

Сону хотел пошутить: сказать про коллекторов из загробного мира или про агента, если бы тот существовал. Рот даже начал подбирать улыбку, но улыбка не собралась.

— Отец.

Юри смотрела на него так, будто каждое слово нужно было держать пинцетом.

— Ваш отец жив?

— Для документов — да. Для семьи — ушёл. Для кассеты с прошлой ночи... — Он остановился. — Я не знаю.

Её взгляд дрогнул на слове «кассета». Внутри у Сону поднялась прежняя привычка: сделать себя удобным, смешным, неопасным. Отдать ей лёгкую версию, чтобы не выгнали. Он даже почувствовал, как лицо готовится к роли, но Юри чуть наклонила голову, и в этот момент он понял: она слышит не улыбку. Она слышит то, что он сам не произнёс. «Пожалуйста, не решай, что я смешной».

Юри моргнула. Быстро, почти незаметно, как человек, который наткнулся не на реплику, а на открытую рану и впервые не знает, куда деть руки. Сону выпрямился. Пакет с накопителем остался между ними на стойке.

За окном ветер дернул фестивальную баннер. Красные ленты у дерева вытянулись к аллее, будто кто-то за невидимой оградой тянул их на себя. В кафе пахло кофе, мокрыми пальто и клубничной пенкой. На стаканчике у выдачи имя клиента расплывалось чёрным пятном, хотя картон был сухим. Юри увидела это тоже и уже не сказала ему уходить.

Глава 3. Фестиваль начинается после дождя

Миджин поставила телефон между собой и лицом Юри так близко, что в чёрном стекле отразились сразу две Юри: настоящая — с усталым взглядом и пятном кофе на манжете, и сглаженная камерой — с мягкой кожей и почти терпимым выражением. За их спинами гудел вход в парк Ёнхва: бумажные фонари под аркой, киоски с токпокке, сладкие хоттоки, пластиковые дождевики с сердцами и баннер фестиваля, хлопающий на ветру: «НАЙДИ СВОЙ СВЕТ».

— Скажи: «Я не верю в судьбоносные встречи», — попросила Миджин.

— Я не верю в судьбоносные встречи.

— Не как судебный эксперт. Чуть живее.

— Я не верю в судьбоносные встречи и имею по этому поводу доказательную базу.

— Прекрасно. Подписываю: «Девушка, которая ненавидит романтику, идёт в самое романтическое место Сеула». Миллион просмотров, если ты по дороге кого-нибудь оскорбишь.

Юри поправила ремень сумки. Внутри лежал повреждённый ноутбук, блокнот с правками для веб-дорамы и телефон, который с утра показывал пустой журнал вызовов. Вчерашняя подпись исчезла не стеревшись, а так чисто, будто её никогда не было. Только Юри помнила, как на экране стояло слово: «Мама».

— Я не иду ради твоего ролика.

— Конечно. Ты идёшь, потому что таинственный звонок без номера, седьмой фонарь, странный актёр с виноватыми глазами и исчезающие имена на стаканчиках. Но ролик делает это монетизируемым.

— Не снимай звонок.

— Я не снимаю звонок. Я снимаю атмосферу.

— Атмосфера в Ёнхва ест людей по краям.

Миджин опустила телефон на пару сантиметров. Она умела не превращать чужой страх в контент, пока страх смотрел прямо на неё, и это было редким проявлением её доброты.

— Ты сейчас шутишь?

Юри посмотрела на арку парка, на бумажные фонари — красные, белые, золотые. Днём они казались сувенирными, но к вечеру внутри каждого загоралась маленькая круглая жизнь, и туристы тянулись к ней, как к обещанию, которое можно купить за несколько тысяч вон.

— Хотела бы.

У турникетов толпились пары. Девушка в белом кардигане поправляла парню воротник, двое школьников привязывали к стенду бумажное желание, блогеры разворачивали мини-штативы. Камеры, телефоны, кольцевые лампы — весь вход мерцал маленькими экранами, будто город принёс сюда запасные глаза.

Юри сделала шаг за арку, и связь на телефоне просела с пяти делений до двух. Потом снова поднялась. На миг появилась строка «нет сети», но уведомления продолжали приходить: реклама фестиваля, сообщение от продюсера, три голосовых от Миджин, записанные пять минут назад и уже забытые самой Миджин.

— Видишь? — прошептала Юри.

— Вижу, что ты делаешь лицо, которое набирает просмотры лучше любого фильтра.

— Миджин.

— Ладно. Сниму только общий план.

Миджин подняла камеру не к Юри, а к аллее, и парк будто принял это за команду. Музыка с ближайшей сцены стала тише, хотя колонка не выключалась. Люди разошлись по дорожкам не хаотично, а слоями: пары ближе к фонарям, семьи к лавкам с едой, одиночки вдоль ограды, где их легче было не заметить. В воздухе пахло мокрой бумагой, жареным пер-

цем и молодой травой. Ветки над дорожкой качнулись в одну сторону, открывая вид на мост Первого Дождя.

Мост был темнее, чем на афишах. Над ним пока не горело ничего, кроме обычных гирлянд, но тело Юри узнало место раньше памяти: большой палец заныл там, где пятнадцать лет назад держал чужую ладонь.

— Нам туда не надо.

— Нам надо к павильону. Это рядом, но не туда. Почти не туда.

— У тебя выдающийся талант успокаивать через ложь.

— Это блогерская этика.

Телефон Юри завибрировал. Она дернулась, но на экране было сообщение от неизвестного номера: «Я у павильона. Это Сону. Не пугайтесь. Хотя поздно, да?» Миджин вытянула шею и прочитала быстрее, чем Юри успела закрыть экран.

— Это тот самый кофе-убийца?

— Не называй людей по функции.

— Ты называла его катастрофой на ногах.

— Это было точнее.

Сону стоял у павильона Шести Фонарей, под вывеской с картой фестиваля. В ухе у него был один наушник; он снял его, как только увидел Юри, будто его поймали не на музыке, а на разговоре с невидимым человеком. Куртка была та же, серая, только высохшая. В руках — папка, телефон и бумажный пакет с логотипом мастерской ремонта техники.

— Я не преследую вас, — сказал он вместо приветствия.

— Плохое начало для человека у парка после звонка без номера.

— Согласен. Переформулирую: я пришёл сюда, потому что голос моего отца в наушнике сказал: «До павильона, потом к мосту». Это звучит хуже?

Миджин медленно подняла камеру, но Юри отвела объектив ладонью.

— Не снимай.

— Я снимаю доказательства.

— Ты снимаешь чужой приступ.

Миджин обиделась, но камеру опустила. Сону посмотрел на павильон. Внутри стояли шесть больших фонарей на деревянных рамах. Днём они были декоративными, с надписями для туристов: «Первая встреча», «Неловкий жест», «Недосказанная фраза», «Ссора», «Возвращение», «Первый поцелуй». Рядом фотографировалась пара; парень держал девушку за плечи, она смеялась в объектив чужого телефона.

— Надписи новые? — спросил Сону.

— Фестиваль каждый год придумывает способ брать деньги за одно и то же.

— Нет. Я был здесь в прошлом году. Там были обычные пожелания: здоровье, удача, экзамены, любовь без долгов по кредитам.

Юри взглянула на деревянную раму первого фонаря. Кистью было выведено: «Первая встреча». Краска казалась свежей, но в трещинах дерева лежала старая чернота, будто надпись не нанесли, а откопали.

Из ближайшей аллеи донеслись аплодисменты. Девушка с букетом стояла перед парнем на колене, у сцены юноша взял микрофон у ведущей, в другом конце площадки кто-то развернул плакат: «Ты моё чудо». Ещё одна пара замерла у дерева с красными лентами, и парень достал коробочку с кольцом. Все признания начались почти одновременно.

— Это рекламная акция? — прошептала Миджин.

Юри слушала не слова. Слова были разные: люблю, останься, начнем сначала, я понял, я ждал, я боялся. Под ними шли недосказанные фразы, нестройные, живые, человеческие: «Скажи да, иначе я развалюсь»; «Я не уверена, но все смотрят»; «Пожалуйста, пусть это будет красиво»; «Не называй его по имени». Последняя фраза резанула сильнее остальных. Юри

обернулась и увидела у дерева пожилую женщину без пары, без камеры, без улыбки. В руках у неё был бумажный фонарь без желания и имени. Женщина смотрела на павильон так, будто пришла не на праздник, а к могиле, где теперь продавали сладости.

Сону шагнул ближе к Юри.

— Вы тоже это слышите?

— Что именно?

Он коснулся наушника в ладони.

— Отец сказал: «Не стой под светом, когда они смотрят».

Юри не успела ответить. Блогеры одновременно подняли камеры, и дождь начался ровно в этот миг: не мелкий, не случайный, не тот, который собирается минутами в запахе воздуха. Он появился, как включённая система орошения. Капли падали мягко и часто, но не портили плакаты, не гасили микрофон, не размазывали тушь на лицах девушек, которые плакали перед объективами. Бумажные фонари не намокали. На красных лентах вода собиралась круглыми точками и не стекала.

— Свет идеальный, — ахнула Миджин.

— Миджин.

— Я знаю, знаю. Но посмотри.

Юри не хотела смотреть и всё равно посмотрела. Павильон Шести Фонарей вспыхнул изнутри: первый дал тёплый жёлтый круг, второй — мягкий свет с розовым краем, третий дрогнул, будто внутри кто-то удержал недосказанное слово. Четвёртый зажегся резче остальных, красным надломом, пятый стал белым, похожим на открытую дверь, шестой разгорелся медленно, до золотой глубины. Толпа выдохнула. Кто-то закричал от восторга. Телефоны повернулись к павильону, и на экранах огни выглядели ещё ровнее, чем вживую.

Внутри у Юри всё стало холодным и тонким.

— Не надо, — сказала она.

Сону услышал не смысл, а тон, и повернулся к ней.

— Что?

За мостом, над тёмной водой, на долю секунды возник седьмой свет. Не фонарь, не предмет — только круглая бледность в месте, где не было крепления. Любой другой назвал бы это бликом, ошибкой линзы, отражением рекламного дрона, но Юри увидела золотое дно, хрупкие рёбра, дорожку света на воде и руку, которой больше не было.

Она схватилась за край стойки с картой фестиваля. Пластик больно впился в ладонь. Сону потянулся к ней, но остановился на полпути, будто вспомнил: помощь тоже может выглядеть как сцена. Это остановленное движение удержало её лучше, чем прикосновение.

— Юри? — Миджин наконец опустила камеру. — Ты белая.

— Мы уходим.

— Подождите, — сказал Сону. — Если это было то же самое...

— Мы уходим сейчас.

Но путь к выходу уже изменился. Люди стояли плотнее, чем минуту назад. Пары обнимались под дождём, блогеры комментировали прямые эфиры, ведущая на сцене кричала о чуде фестиваля. В толпе кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то повторял: «Это знак», и слово прилипало к мокрому воздуху.

Погасла первая гирлянда. Следом вторая. Через аллею прошёл мужчина в тёмной форме смотрителя — высокий, сухой, с фонарём в руке и длинным шестом для обслуживания ламп. Он двигался не против толпы, а сквозь неё: люди отступали до того, как успевали заметить его плечо. В другой руке у него был аварийный выключатель — красная коробка с кабелем, вырванным из щитка.

— Фестиваль закрыт.

Голос был негромким, но микрофоны вокруг поймали его и разнесли по площадке с лёгким треском.

— Эй! — крикнул ведущий. — У нас разрешение до десяти!

Мужчина поднял шест и ударил по линии ламп над павильоном. Стекло хрустнуло, ещё одна гирлянда погасла, и толпа завопила уже не от восторга. Миджин автоматически подняла камеру.

— Не снимайте, — сказал зритель.

— Это общественное место.

Он оказался рядом с такой скоростью, что Юри не увидела перехода. Только что он был у щитка, теперь стоял перед Миджин. Шест скользнул вниз и выбил камеру из её рук не сильным ударом, а точным нажимом по ремню. Камера упала в мокрую траву.

— Вы что делаете?! — Миджин кинулась за ней.

Сону шагнул вперёд.

— Не трогайте её вещи.

Зритель повернул к нему лицо. Черты были жёсткими, глаза — не злыми, а уставшими от чужой глупости. На бейдже темнело имя: Кан Тэхо.

— Ты уже слышал звонок? — спросил он.

Сону замолчал. Юри почувствовала, как вопрос прошёл между ними и сел точно в рану.

— Кто вы? — спросила она.

Тэхо посмотрел на неё. Его взгляд на секунду задержался на её запястье, будто там всё ещё была красная лента из детства.

— Человек, который портит романтику до того, как она начнёт убивать.

Он схватил ближайший бумажный фонарь с рамы, сорвал его и бросил в лужу. Туристы ахнули. Огонь внутри не погас: горел под дождём, под тонкой бумагой, в воде, как жёлтое око. Тэхо наступил на фонарь каблуком. Бумага хрустнула, свет дернулся и исчез. У дерева с лентами пожилая женщина зажала рот ладонью.

— Уходите. Все. Парк закрыт.

— Вы знаете про седьмой фонарь, — сказала Юри.

Он даже не моргнул.

— Его нет.

— Тогда почему вы испугались?

— Я не испугался. Я успел.

Сону поднял камеру Миджин. Корпус был цел, но экран не включался. Миджин смотрела на Тэхо так, будто готова была вцепиться ему в лицо.

— Вы разбили мою камеру.

— Я разбил дверную ручку, за которую вы уже потянулись.

— Это угроза?

— Это инструкция.

Юри сделала шаг к нему. Дождь не попадал ей в глаза. Он падал вокруг, по волосам и плечам, но лицо оставалось почти сухим, и от этого стало хуже.

— Моя мать исчезла здесь. Пятнадцать лет назад. После света над мостом.

Сону резко повернул голову к ней. Миджин перестала дышать. Тэхо молчал, и недосказанная фраза от него не пришла. Вообще ничего. Юри слышала чужие страхи в толпе, восторг, злость, желание выложить запись первой, но от Тэхо шла только плотная тишина, как закрытая дверь из металла.

— Вы знаете, что это было.

— Знаю, что будет, если вы останетесь.

— Не решайте за меня.

— Уже поздно для мягких советов.

Сону встал рядом с Юри, не касаясь её рукава.

— Нас обоих позвали сюда. Голоса родителей. Вы понимаете, что это значит?

— Да. Значит, парк нашёл, чем вас купить.

Сону побледнел. Юри почувствовала общий гнев раньше, чем успела его обдумать. Не доверие — нет. Доверие было медленным и требовало проверок. А злость оказалась мгновенной: на Тэхо, на его спокойствие, на то, что он говорил о матерях и отцах как о приманке, хотя сам явно знал больше, чем имел право скрывать.

— Если вы знаете, как вернуть их имена, говорите.

— Идите домой.

— Это не ответ.

— Это шанс.

Тэхо развернулся и снова ударил шестом по линии ламп. Павильон погрузился в полумрак. Шесть фонарей внутри больше не горели, но Юри видела на бумаге тёмные круги, будто свет оставил ожоги.

Людей вытесняли к выходу охранники. Ведущий спорил с организаторами. Девушка в белом кардигане плакала над промокшим букетом, а парень с кольцом растерянно спрашивал, что он собирался сказать. У дерева с красными лентами пожилая женщина исчезла. На траве остался её фонарь без имени.

Миджин наконец включила камеру. Экран мигнул, показал рябь, потом чёрный силуэт Тэхо вместо лица. Не размытое изображение, не засветку — фигуру без черт, вырезанную из кадра.

— Юри, — прошептала она. — Посмотри.

Но Юри смотрела не на экран. Над мостом уже не было седьмого света — только мокрые перила, тёмная вода и пустое место, которое умело ждать.

— Он скрывает путь, — тихо сказал Сону.

Юри не знала, был ли это выводом или желанием. Но услышала под его словами другое, несказанное, болезненное: «Если это шанс вернуть отца, я не позволю ему отнять его». В ней самой звучало то же самое, только с другим именем.

Они вышли из парка вместе — Юри, Сону и Миджин с мокрой камерой в руках. За воротами дождь сразу стал обычным: холодным, неровным, неприятным. Он заливал экран телефона, пачкал обувь, приклеивал волосы к вискам. Настоящий дождь не заботился о том, как человек выглядит.

Миджин включила запись прямо под навесом остановки. Видео началось с её голоса: «Девушка, которая не верит в судьбу...» Потом шла аллея, признания, синхронно поднятые камеры, вспыхнувшие фонари. В момент, когда Тэхо вошёл в кадр, изображение дернулось, и вместо его лица появилась чёрная пустота. Она двигалась, говорила, сбивала камеру, но не становилась человеком.

— Это монтаж? — спросил Сону.

Миджин посмотрела на него так, будто он оскорбил её профессию и личность сразу.

— Я не монтировала. Я даже сохранить не успела.

Под роликом уже были комментарии. Юри наклонилась ближе. Видео не было опубликовано: кнопка «загрузить» ещё горела серой, файл висел в черновиках. Но внизу уже бежали строки: «Когда будет продолжение?», «Они должны найти седьмой фонарь», «Пусть эта холодная девушка наконец поверит», «Актёр милый, пусть останется с ней», «Не называйте смотрящего по имени». Последний комментарий появился без аватара, а следом за ним — ещё один, уже совсем без подписи: «Я тоже хочу красивую историю».

Глава 4. Мёртвая зона

Дэхён сказал, что ночные вылазки в проклятые туристические зоны — это не исследование, а способ стать пациентом без страховки. Сону ответил, что страховка у него плохая, зато лицо запоминающееся, так что в случае исчезновения свидетели справятся. Дэхён посмотрел поверх очков так, будто уже составлял медицинское заключение: «Склонен шутить при угрозе утраты базового инстинкта самосохранения».

Они договорились просто: Сону зайдёт в парк на десять минут, снимет переход между нормальной связью и провалом, вернётся к главному входу. Дэхён будет ждать за воротами. Если через пятнадцать минут Сону не выйдет, он позвонит в полицию, пожарным, скорой и отдельно матери Сону, потому что один из этих вариантов точно должен был его напугать.

— Не геройствуй, — сказал Дэхён.

— Я массовка. У меня нет бюджета на геройство.

— Вот именно. Массовку убирают первой.

Шутка не сработала. Они оба это услышали.

Ночью парк Ёнхва выглядел не закрытым, а отвернувшимся. Ворота были заперты только с виду: боковая калитка у служебного въезда плохо держалась на петле после вчерашней давки. Сону пролез внутрь, стараясь не задеть цепь. Металл тихо звякнул, и звук ушёл в аллею, не вернувшись эхом.

За оградой город продолжал жить: автобусы шипели на остановке, в окнах домов горели кухни, где кто-то доедал поздний ужин. Здесь же свет был разреженным. Фестивальные гирлянды висели погашенными, мокрые бумажные фонари скукожились под навесами, баннеры хлопали на ветру без прежней праздничной наглости.

Сону включил камеру на телефоне.

— Проверка. Ли Сону. Время — двадцать три сорок восемь. Нахожусь в парке Ёнхва, куда не должен был приходить, что будет внесено в протокол моим очень раздражённым другом.

Он повернул экран к себе. В углу горели пять делений связи.

— Сеть полная. Я у главной аллеи. Если это видео найдут без меня, прошу использовать лучший дубль и не выбирать кадр, где у меня подбородок как у человека, проигравшего генетике.

Голос звучал ровнее, чем он чувствовал. Профессиональная привычка: камера требовала собранного лица, даже когда под рёбрами шевелилась трусливая, живая просьба уйти.

Сону пошёл к закрытой лужайке за павильоном. Днём туда не пускали посетителей: табличка обещала «реконструкцию декоративной зоны». Ночью за сетчатым ограждением торчали чёрные пни и низкие каменные плиты, наполовину скрытые травой. Свет от города сюда почти не доставал. Телефон продолжал показывать пять делений.

— До границы лужайки три метра. Связь есть.

Он сделал шаг. Потом ещё один. На третьем экран мигнул, и деления исчезли разом. На их месте появилась надпись: нет сигнала. Сону остановился, и холод под рёбрами на секунду стал сильнее любопытства.

— Отлично, — прошептал он. — Вот это уже материал.

Он поднял телефон выше, чтобы захватить табличку, ограждение и экран без сети. Камера дернулась, изображение посыпалось цифровыми квадратиками, хотя запись не должна была зависеть от связи. В этот момент телефон издал звук входящего сообщения.

Сети не было. Wi-Fi не было. Bluetooth отключен. Но в списке уведомлений появилось новое голосовое сообщение. Отправитель — пустая строка. Палец Сону завис над кнопкой воспроизведения. Дэхён сказал бы: не открывай. Дэхён записал бы показания прибора, темпе-

ратуру воздуха, влажность, геолокацию, а потом потребовал бы выйти из зоны и повторить опыт при свидетелях. Нормальный человек тоже не стал бы слушать мёртвый канал в ночном парке.

Сону нажал.

Сначала пошёл шум. Не электронный, а плёночный: такой давала старая кассета отца, когда лента цеплялась за головку. Потом голос произнёс:

— Не стой на метке.

Сону медленно опустил взгляд. Под его кроссовком на мокрой земле был маленький квадрат синей клейкой ленты — точно такой, какими в павильоне отмечали позиции актёров. Он отступил. На месте, где он стоял, трава была примята в круг, хотя вокруг росла ровно. Голосовое продолжало играть.

— Они любят тех, кто сам приходит в кадр.

— Отец?

Ответа не было. Шум сменился далеким звоном телефонного аппарата и оборвался. Сону попытался сохранить сообщение, но экран мигнул, файл исчез из списка и вернулся уже без длительности: 00:00. Он включил запись камеры снова и заговорил быстрее.

— При отсутствии сигнала пришло голосовое сообщение. Содержание: «Не стой на метке». На земле обнаружена синяя разметка. Сейчас снимаю...

В кадре вместо ленты была только трава. Сону резко опустил телефон. Синяя метка всё ещё находилась у носка. Он включил фонарь, приблизил камеру, но на экране трава выглядела гладкой — без клея, без примятости, без доказательства.

— Не смешно.

Из-за сетки донёсся девичий голос. Звук был тонким, сорванным, будто девочка кричала уже давно и берегла остаток дыхания.

— ...а!

Сону замер.

— Эй?

Молчание. Он обошёл ограждение и нашёл разрыв в сетке, прикрытый ветками. За ним начиналась закрытая лужайка. Влажная земля липла к подошвам, пни старых стражей торчали по краям, как обрубленные запястья. Между ними висел запах мокрого дерева и железа.

Девушка стояла у дальней дорожки. Школьная форма была старого образца: тёмная юбка, жакет с эмблемой, белые гольфы в грязи. Волосы собраны лентой. В руках она держала пустой поводок для брелока, такой обычно цепляли к телефону. Лица Сону не видел — она стояла боком и смотрела в темноту между деревьями.

— Вы заблудились?

Она не обернулась.

— ...а!

В этот раз он понял: она звала кого-то по имени. Начало имени исчезло. Не заглушилось ветром, не провалилось из-за расстояния — место звука было вырезано аккуратно, как дырка в плёнке.

— Кого вы ищете?

Девушка шагнула вперёд.

— Я сказала ему ждать у моста. Я сказала, что вернусь. Я не помню, как его...

Она коснулась горла. Пальцы дрожали.

— Как его звали? — тихо спросил Сону.

Школьница повернула голову. Лица у неё не было именно настолько, чтобы мозг Сону пытался дорисовать черты и не успевал: бледное пятно, тень рта, глаза, которые не удерживали форму.

Сону отступил. Не обида, не злость на Тэху, не желание доказать Юри правоту — страх пришёл простым и телесным: пот на спине, холод под языком, пальцы, сжавшие телефон до боли. Если он исчезнет здесь, кто будет помнить, что он был не стаканом, не плечом в кадре, не шуткой у выхода из павильона?

Камера продолжала писать. Красная точка записи мигала в углу. Сону поднял телефон к девушке.

— Скажите своё имя.

Она открыла рот, но вместо имени пришёл шорох, как если бы кто-то провёл ногтем по магнитной ленте.

— Ещё раз. Пожалуйста.

Девушка заплакала без звука. Потом резко посмотрела за его спину. Сону не успел обернуться.

Чья-то рука зажала ему запястье, выкрутила телефон вниз и ударила по локтю так точно, что пальцы разжались сами. Аппарат упал в траву. Сону дернулся, но его сразу прижали к сетке лицом в холодный металл.

— Я говорил уходить, — сказал Кан Тэху.

— А я плохо воспринимаю угрозы от людей, которые ломают чужие камеры.

Тэху усилил нажим. Сетка впилась Сону в щеку.

— Это не угроза.

— Да, вы уже объясняли. Инструкция. У вас ужасная клиентская поддержка.

— Молчать.

Сону попытался повернуть голову. Школьницы у дорожки уже не было. Только трава, пни и пустая лента для волос, зацепившаяся за ветку.

— Там была девушка.

— Здесь много тех, кого ты не должен видеть.

— Тогда почему вижу?

Тэху поднял телефон с земли. Экран ещё светился, запись продолжалась, но на лице зрителя не отразилось удивления. Он вынул карту памяти из дополнительного слота, переломил её большим пальцем и бросил половинки в лужу.

— Эй! Это доказательство!

— Это наживка.

— Для кого?

— Для тебя. Для неё. Для всех, кто думает, что запись удержит человека лучше, чем имя.

Тэху сунул телефон в карман своей куртки.

— Отдайте.

— На выходе.

— Я не ребёнок.

— Именно поэтому отвечать будешь сам.

Сону резко ударил пяткой назад, целясь по голени. Тэху сдвинулся на полшага, будто заранее видел траекторию. Через секунду Сону оказался на колене, рука была заведена за спину, дыхание сбилось. Движение было без ярости и почти без усилия. Тэху обращался с ним не как с врагом, а как с дверью, которую надо закрыть до сквозняка.

— Вы бывший спортсмен? Или просто ненавидите суставы?

— Вставай.

— Сначала телефон.

Тэху наклонился к нему.

— Ты хочешь, чтобы Юри поверила тебе?

Сону замолчал.

— Тогда не приноси ей видео, которое парк сам попросил снять.

Фраза попала точно. Неприятно точно.

— Вы знаете её.

— Я знаю таких, кого зовут.

— Её мать исчезла здесь.

Тэхо отвёл взгляд к мосту. На миг его лицо стало не жёстче, а старше.

— Не произноси это громко.

— Что именно?

— Чужую надежду.

Он поднял Сону за воротник и повёл к служебной тропе. Не к главным воротам — глубже, к домику смотрителя за павильоном. Сону сопротивлялся меньше, чем хотел бы. Нога болела после рывка, запястье горело, а внутри росло мерзкое чувство: Тэхо не просто скрывал. Он боялся, что Сону увидит больше.

Сторожка стояла у тёмной стены кустов, почти вросшая в землю. На двери висел обычный замок, но Тэхо открыл её без ключа: нажал на доску рядом с косяком, и щеколда щёлкнула изнутри. Внутри пахло пылью, мокрой тканью, старым лаком и травяным дымом. На столе лежали инструменты, фонарь, связка ключей, моток красной нити и бумажные пакеты из фотолаборатории. В углу стоял электрический чайник, рядом — чашка с трещиной.

— Сиди.

— Спасибо, но похищение без чая считается невежливым.

Тэхо бросил на стол его телефон. Не отдал — положил экраном вниз и накрыл ладонью.

— Ты вошёл за линию закрытой зоны после предупреждения. Я могу вызвать полицию.

— Вы можете. Но тогда придётся объяснить, почему парк получает голосовые без связи, а школьницы без лиц зовут людей без имени.

Тэхо посмотрел спокойно.

— Полиция запишет: актёр после съёмок употребил алкоголь, проник на территорию фестиваля, испортил имущество, заявил о призраках.

— Я не пил.

— Это будет самой слабой частью протокола.

Сону стиснул зубы. На стене за плечом Тэхо висела плотная тёмная ткань. Не занавес — скорее укрытие. Край был плохо закреплён, и из-под него выглядывал угол деревянной дощечки с выжженным слогом. Тэхо заметил взгляд Сону и шагнул в сторону, но поздно: Сону уже понял, что за тканью не одна дощечка.

Он рванулся к стене. Тэхо схватил его за рукав, но ткань сорвалась вместе с гвоздем, и за ней открылась стена табличек.

Десятки узких деревянных планок висели рядами от пола почти до потолка. На одних были имена, чётко вырезанные ножом, на других — только слоги. Некоторые треснули посередине. Несколько стали пустыми, но вокруг пустоты дерево темнело, будто буквы выжгли изнутри. Между табличками были приколоты фотографии: школьные, семейные, снимки из будок, распечатки с камер наблюдения. У многих лица расплывались серым пятном.

Сону сделал шаг, и пол под ним скрипнул.

— Что это?

Тэхо молчал.

На уровне глаз висела табличка свежее остальных. Лак ещё блестел на краях. Имя было вырезано твёрдо, без дрожи: Хаын. Рядом — фотография девушки лет восемнадцати. Она сидела на бордюре, показывала кому-то язык и держала зонтик с утками. Половина лица осталась живой: бровь, глаз, угол смеющегося рта. Вторая половина была стёрта не пятном и не царапиной. Бумага там стала пустой, белой, будто принтер никогда не знал этой части.

Сону не смог пошутить.

— Кто она?

Тэхо взял ткань с пола, но не стал закрывать стену.

— Человек, которого я не успел вывести.

— Вы их храните?

— Я их называю.

— Это не ответ.

— Лучший, который у меня есть.

Телефон на столе вдруг включился. Экран лежал вниз, но из-под корпуса пробился слабый свет. Потом прозвучал голос отца Сону, тихий, как из соседней комнаты:

— Не дай ему закрыть стену.

Тэхо побледнел. Сону кинулся к столу. Смотритель перехватил его за плечо, но Сону уже схватил аппарат. Экран показывал пустое уведомление. Длительность сообщения: 00:00. Сети по-прежнему не было.

— Он говорит со мной.

— Нет.

— Вы слышали.

— Я слышал приманку твоим голосом боли.

— Это был мой отец.

— Именно поэтому это опасно.

Тэхо вырвал телефон из его руки. На этот раз не положил на стол, а сунул себе во внутренний карман.

— На выход.

— Нет. Вы покажете мне всё.

— Я покажу тебе ворота.

Сону посмотрел на стену: на таблички, пустые фотографии, имя Хаын. Его злость начала проваливаться во что-то более холодное. Если это была декорация, она была слишком грязной для туристического спектакля: неровные гвозди, пыль на рамках, чужие волосы, застрявшие в скотче, бумажный пакет с датами на корейском почерке. Не легенда. Архив человека, который спал рядом с потерями, потому что иначе они могли исчезнуть и из дерева.

— Отец тоже здесь?

Тэхо ничего не сказал, и молчание стало ответом хуже любого слова.

— Где?

— Выйди из парка, Ли Сону.

Сону дернулся.

— Я не называл вам фамилию.

— Парк называл.

Тэхо открыл дверь и вытолкнул его наружу. Ночной воздух пахнул в лицо запахом сырой земли. До главных ворот они шли быстро. По дороге Сону видел тёмные павильоны, мокрые лавки, аллею с красными лентами. У моста на секунду мелькнула школьная юбка. Девичий голос позвал кого-то, но имя снова выпало из мира.

У выхода Тэхо отдал телефон. Карты памяти уже не было.

— Если вернёшься один, в следующий раз парк не станет тратить на тебя голос отца. Он даст тебе роль, ради которой ты сам останешься.

— Вы думаете, я испугаюсь?

— Нет. Я думаю, ты уже испугался и теперь назовешь это решимостью.

Сону хотел ответить. Нашёл три готовые фразы — одну смешную, одну злую, одну почти достойную главного героя. Ни одна не вышла.

За воротами город снова загудел: мотороллеры, дальний сигнал светофора, музыка из круглосуточного магазина. На экране телефона появилась связь. Пять делений, десять пропущенных уведомлений и ни одного от Дэхёна.

Сону набрал его сам.

— Ты где?

— Дома. А что?

Сону остановился под фонарём у остановки. Свет был обычный, жёсткий, городской; он показывал синяк на запястье без всякого сочувствия.

— Мы договаривались. Ты должен был ждать у ворот.

Пауза длилась два вдоха.

— У каких ворот?

— Не смешно.

— Сону, я серьёзно. Я только что проснулся от твоего звонка. Мы ни о чем не договаривались.

— Ты говорил, что вызовешь полицию и мою мать.

— Звучит как я, — признал Дэхён. — Но я этого не помню.

Сону посмотрел обратно на парк. За оградой погасли последние служебные лампы. В темноте на мгновение проступили павильон, закрытая лужайка и сторожка, где на стене висели имена тех, кого нельзя было удержать камерой. В кармане завибрировал телефон: новое голосовое сообщение без отправителя, без длительности, с пустым нулем вместо времени. Сону не стал нажимать. Он уже знал, что запись может быть пустой, а голос — настоящим.

Глава 5. Незавершённая фраза

Сону не поверил Юри сразу, и это было почти прилично с его стороны. Другой на его месте сделал бы понимающее лицо, кивнул бы с осторожным сочувствием и потом смотрел так, будто перед ним человек с трещиной в голове. Сону сидел за дальним столиком кафе «Поздний дождь», держал бумажный стакан обеими руками и честно выглядел напуганным.

— То есть вы слышите мысли?

— Нет.

— Отлично. Это было бы неловко.

— Я слышу то, что человек почти сказал и не сказал.

— Это звучит не менее неловко.

Юри вытерла стол влажной салфеткой. От клубничной пенки остался розовый круг, похожий на дешёвую печать. За соседним столиком студентка в жёлтом свитере листала переписку и делала вид, что не плачет. У стойки мужчина в офисном пальто ждал кофе, поглядывая на часы. Стажёр подписывал стаканчики, нажимая маркером так сильно, что картон проминался под буквами.

— Смотрите на неё.

Сону осторожно повернулся к студентке.

— Я не хочу быть жутким человеком в кафе.

— Тогда смотрите на ложку.

— Ложка не плачет над перепиской.

Студентка стёрла слезу костяшкой пальца, набрала в телефоне: «Всё нормально» — и отправила. Пальцы у неё сжались на краю стола, а Юри услышала невысказанное, тихое и ободранное: «Спроси ещё раз. Не верь мне с первого раза».

— Она написала, что всё нормально, — сказала Юри. — А хотела сказать: «Спроси ещё раз».

Сону смотрел уже не на девушку, а на неё. Он не улыбнулся.

— Это можно угадать.

— Можно.

Юри повернулась к мужчине у стойки. Тот получил американо, автоматически кивнул и пошёл к двери. На стаканчике было написано: КИМ ДЖУНХО. У подставки с зонтиками он достал телефон, увидел сообщение и сжал челюсть. Его несказанное прозвучало сухо, как дверь, которую придержали плечом: «Не сейчас. Я не могу снова выбирать между вами».

— У него дома конфликт, — сказала Юри. — Не между ним и женой. Между двумя людьми, за которых он отвечает. Он не хочет отвечать ни за кого.

Сону вздохнул.

— Это тоже можно придумать.

— Да.

Она посмотрела на него прямо.

— Вы хотите, чтобы я придумала про вас?

Сону замер с пальцами на крышке стакана. Пластик хрустнул.

— Не обязательно.

— Тогда не просите доказательств, которые не готовы получить.

Юри не собиралась говорить жёстко. Слова сами вышли с острым краем, как всегда, когда чужой страх подходил слишком близко к её собственному. Сону отвёл взгляд к окну. За стеклом аллея у парка была серой и вымытой после дождя. Красные ленты на дереве лежали мокрыми полосами, но одна тонкая нитка на верхней ветке шевелилась против ветра.

— Я готов, — сказал он. — Просто не знаю, каким лицом.

Юри услышала не фразу под фразой, а попытку её удержать: «Пожалуйста, не смейся надо мной». Та же просьба, что тогда, у стойки. Только теперь без защитной улыбки. Она отвернулась первой.

— У вас стыд громче слов.

Сону не ответил. Кофе в его стакане дрогнул, будто стол качнулся, хотя никто его не задел.

— Это... — Он сглотнул. — Это я сказал?

— Нет.

— Но вы слышали.

— Да.

Он поставил стакан на стол и убрал руки на колени. Движение было маленьким, почти детским: спрятать пальцы, чтобы они не выдали больше, чем рот. Юри стало неприятно от собственной власти. Дар никогда не казался ей даром. Скорее чужим ключом, который кто-то вложил ей в ладонь и отказался забрать.

— Я не лезу специально, — сказала она тише.

— А если слышите?

— Делаю вид, что нет.

— Получается?

— Плохо.

Сону коротко усмехнулся, но звук не стал шуткой.

— Значит, вчера, когда я пришёл извиняться...

— Да.

— И на фестивале?

— Да.

— И сейчас?

Юри посмотрела на его стакан. Стажёр написал имя неправильно: САНУ. Ошибка была мелкой, бытовой, живой. Юри вдруг не захотела, чтобы надпись исчезла.

— Сейчас вы думаете, что я решу, будто вы смешной человек, которому нельзя доверить боль.

Сону поднял глаза.

— А вы?

— Я думаю, что вы привыкли отдавать людям смешную версию, пока настоящая стоит за кулисой и мерзнет.

Он сидел молча. На улице проехал автобус, и стекло кафе на миг заполнилось жёлтым прямоугольником света. Когда автобус ушёл, Сону снова стал виден целиком: мокрые волосы у висков, синяк на запястье, пальцы на коленях — без роли.

— Вы всегда так режете?

— Только когда просят доказательств.

— Я больше не прошу.

У стойки стажёр позвал:

— Американо для Джунхо!

Мужчина у двери обернулся. В руке у него уже был свой стакан. На выдаче стоял второй, с тем же именем: КИМ ДЖУНХО. Чернила дрогнули, расплылись и собрались в пустое пятно. Мужчина нахмурился, посмотрел на стакан в руке. Там имя тоже медленно выцветало, буква за буквой. Он провёл пальцем по картону; бумага была сухой.

— Простите, — сказал он. — Это мой заказ?

Стажёр растерялся.

— Вы же только что...

Мужчина посмотрел на Юри, на Сону, на дверь. Глаза у него были ясные, испуганные.

— Я кого-то ждал?

Невысказанная фраза в нём оборвалась на середине. Не ушла и не спряталась — её будто вырезали вместе с тем, кто должен был стоять рядом. Сону медленно встал.

— Это началось после фестиваля?

— Раньше. Просто теперь не стесняется.

Юри взяла со стойки свой телефон. Экран был чист: никаких звонков, никакой подписи, пустой журнал, аккуратный и невиновный. Чем чище выглядели доказательства, тем сильнее ей хотелось разбить аппарат о плитку.

Сону коснулся синяка на запястье.

— Тэхо сказал, что запись не удержит человека лучше, чем имя.

— Тэхо любит говорить так, будто у него есть право на чужие решения.

— Он показал мне стену.

Юри подняла голову.

— Какую стену?

Сону пожалел о сказанном сразу. Это было видно по тому, как его рот попытался собрать улыбку и не смог.

— В сторожке. Таблички. Имена. Фотографии.

Кафе вдруг стало тесным: шум молока, музыка из колонки, чужие разговоры, мокрые зонты у двери. Юри хотелось спросить, было ли там имя Хан Соён, но вопрос застрял в горле. Если Сону скажет «да», мир станет хуже. Если «нет» — тоже.

— Мне нужно домой.

— Я могу...

— Нет.

Он кивнул, не договорив. И это тоже было почти прилично.

Дом встретил Юри запахом риса, старой бумаги и лимонного средства для пола. Отец был на кухне. На плите кипел чайник, на столе лежала газета, которую он покупал по привычке и редко читал дальше заголовков. Хан Джисок не любил тишину после работы, но телевизор включал без звука: движущиеся лица в углу комнаты помогали ему не замечать пустой стул у окна.

— Ты поздно.

— Ещё нет семи.

— Значит, день длинный.

Он достал чашку из верхнего шкафа. Потом вторую. Юри увидела движение раньше, чем он осознал его сам: первая чашка — синяя, с трещиной у ручки, его; вторая — белая, тонкая, с выцветшим цветком на боку. Он поставил её рядом, открыл банку с чаем, насыпал листья в заварник и только потом заметил. Рука зависла над столом.

— Зачем ты её достал?

Отец убрал белую чашку обратно в шкаф.

— Машинально.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это и значит машинально.

— Для кого она?

Он закрыл дверцу. Дерево стукнуло резче, чем нужно.

— Юри.

— Ответь.

— Для гостя.

— Какого?

— Любого.

— У нас не бывает гостей.

Отец повернулся к чайнику. Пар поднимался к вытяжке, оседал на металле мутной плёнкой. Его плечи напряглись под домашним свитером. Этот свитер Юри знала с детства: локти вытянуты, манжета правого рукава чуть обгорела от старой сигареты, хотя отец не курил уже много лет.

— Я устал. Не начинай.

— Я не начинаю. Я продолжаю.

— Вот именно.

Юри сжала ремень сумки.

— Мамина комната всё ещё заперта?

Отец выключил чайник до щелчка.

— Нет никакой маминой комнаты.

Слова легли тяжело ровно, без крика, и от этого были хуже.

— Там шкаф с её вещами.

— С твоими старыми вещами. С хламом. С тем, что ты не хочешь выбрасывать.

— Там шарф.

— У тебя много шарфов.

— Не моих.

Он резко обернулся.

— Хватит.

В комнате телевизор беззвучно показывал рекламу фестиваля Ёнхва. Бумажные фонари плыли по экрану, пара смеялась под дождём, дикторские субтитры обещали «ночь, которая соединит сердца». Отец схватил пульт и выключил телевизор.

— Твоей матери не было.

Юри стояла неподвижно. Он произнёс это не впервые. Раньше она отвечала криком, доказательствами, детскими воспоминаниями, датами, которые сама уже боялась перепутать. Теперь слова отца раскрылись изнутри, и под ними оказалась другая фраза — тихая, вытертая, без адреса: «Но я всё время ищу её в дверях».

У Юри перехватило дыхание. Отец смотрел зло. Глаза покраснели от усталости, подбородок дрожал едва заметно. Он был уверен, что защищает себя от её фантазий. А сам каждое утро оставлял свободный край стола, покупал чай с жасмином, который не пил, и иногда обращался на звук ключей в подъезде раньше, чем успевал вспомнить, что ждать некого.

— Папа.

— Не надо.

— Ты её не помнишь.

— Потому что нечего помнить.

— Нет. Потому что у тебя забрали способ.

Он рассмеялся коротко и сухо.

— Способ? Теперь это так называется?

— Ты достал вторую чашку. Оставляешь место у окна. Покупаешь жасминовый чай, хотя не пьешь его.

Отец взял белую чашку из шкафа и поставил на стол. На этот раз сознательно. Фарфор тихо звякнул.

— Чего ты хочешь? Чтобы я признал женщину, которой не было? Чтобы сказал: да, дочь, ты не одинока в своей выдумке? Тебе станет легче?

Юри подошла к двери маленькой комнаты у коридора. Раньше там стоял мамин стол. Потом отец вынес его, сказал, что дерево треснуло. Потом исчезли книги. Потом — рамка с фотографией. Комната стала кладовой, но замок на двери остался.

— Открой.

— Юри.

— Пожалуйста.

Он долго не двигался. Потом достал связку из ящика с ложками. Ключ был маленький, с красной ниткой на кольце. Отец посмотрел на эту нитку так, будто видел впервые, и почти сорвал её, но Юри успела взять ключ сама.

В комнате пахло пылью, картоном и закрытым воздухом. Полоска света из коридора легла на коробки, старую гладильную доску, чемодан без ручки. У стены стоял шкаф. Не мамин — отец был бы прав, если говорить документами. Обычный шкаф, где не должно было лежать ничего важного.

Юри открыла дверцу. На нижней полке лежал шарф: серый, мягкий, с узкой синей каймой. Она помнила, как в детстве прятала в него лицо, когда мать возвращалась из парка и пахла дождём, дымом от уличных ларьков и холодными листьями. Теперь запаха не было. Совсем. Ткань была чистой до пустоты, как выстиранная улика.

К шарфу была пришита маленькая белая бирка. На ней должно было быть имя владельца или хотя бы марка. Нитки по краям сохранились, прямоугольник ткани тоже, но внутри осталось ровное пустое место без следа чернил.

— Это твой, — сказал отец из дверей.

— Нет.

— Юри...

— Не говори сейчас.

Она прижала шарф к лицу. Никакого запаха — только пыль и слабая горечь старой ткани. Тело всё равно помнило: плечо, высоту руки, шероховатость пальца, который вытирал ей щеку. Память не была картинкой. Она была движением, которого больше некому было закончить.

Отец вдруг сел на край чемодана. Неуклюже, как человек, у которого отказали колени.

Он смотрел не на Юри, а на белую бирку. — Иногда я слышу ключ в двери. Знаю, что ты на занятиях. Знаю, что соседка сверху ходит тяжело. Всё знаю. Но встаю.

Юри молчала.

— Подхожу к прихожей. И каждый раз... — Он провёл ладонью по лицу. — Каждый раз чувствую себя идиотом.

Недосказанное зацепилось за край его голоса: «Я хочу, чтобы кто-то вошёл, но не знаю кто». Юри села на пол напротив него. Между ними лежал шарф, свёрнутый серой полосой.

— Её звали Хан Соён.

Отец закрыл глаза. Комната не изменилась: не вспыхнул свет, не дрогнули стены, не вернулся запах. Только белая чашка на кухне тихо стукнула о блюдо, возможно, от сквозняка.

— Не надо, — сказал отец.

В этот раз просьба была не запретом, а болью человека, которому слово причиняет вред, хотя он не знает почему.

Ночью Юри лежала с открытыми глазами. Шарф висел на спинке стула. Телефон лежал на столе, выключенный: она сама нажала кнопку питания, дождалась тёмного экрана, проверила дважды и положила аппарат экраном вниз, как мёртвую рыбу. В квартире было тихо. Отец не включал телевизор. За стеной шумела вода у соседей, на улице проехал мотоцикл, и звук быстро стёрся вдалеке.

Телефон зазвонил. Не завибрировал, не вспыхнул — именно зазвонил старым механическим звуком, будто внутри тонкого корпуса спрятали аппарат из будки у моста. Чёрный экран не горел. На стуле серый шарф чуть шевельнулся, хотя окно было закрыто.

Юри протянула руку и остановилась над телефоном. В груди поднялось такое желание ответить, что оно показалось чужой рукой на затылке. Если поднять — услышит. Если услышит — узнает. Если узнает — сможет назвать.

— Нет, — сказала она.

Звонок стал тише, но не исчез. Как будто тот, кто был на другом конце, улыбнулся и решил подождать.

— Не сегодня.

Она легла обратно и накрыла голову одеялом. Слезы вытекли без рыданий, горячими полосами к вискам. Ей было стыдно не за страх, а за облегчение: пока она не ответила, голос не успел оказаться чужим.

Утром отец уже ушёл. На столе стояли две чашки. Синяя была пустой. Белая — тоже, но рядом с ней лежала ложка, повёрнутая ручкой к свободному стулу. Юри взяла телефон. Он включился обычным долгим нажатием, и в журнале вызовов не было ничего. Она почти рассмеялась, но потом увидела фотографию на холодильнике.

Снимок висел там много лет: маленькая Юри у парка Ёнхва, в жёлтом дождевике, с бумажным фонариком в руке. Слева от неё всегда было размазанное серое пятно. Отец называл его дефектом печати. Юри называла его мамой, пока не поняла, что спорит с бумагой. Теперь рядом с детской Юри проступила чёрная рука: не лицо, не тело — только ладонь, державшая её за пальцы. Чернота была плотной, будто кто-то приложил к фотографии обугленную кожу, а на обороте магнита, который удерживал снимок, проступила тонкая влажная полоска. Красная нить тянулась вниз, к полу, и исчезала под дверью пустой комнаты.

Глава 6. Человек, который портит романтику

Тэхо увидел их на камере за девять минут до поцелуя. Парень стоял под Фонарём Ссоры и держал зонт так, чтобы дождь попадал ему на плечо, а девушке нет. Дешёвый прием, но парк любил такие мелочи. Мокрый рукав, дрожащие пальцы, виноватый взгляд снизу вверх. Люди принимали это за заботу, камеры — за удачный кадр, фонари — за приглашение.

Девушка говорила быстро. На экране сторожки звук запаздывал, но Тэхо не нуждался в словах. Он видел, как она сжимала ремешок сумки, как парень подходил ближе после каждого её отступления, как вокруг них пустела аллея, хотя до закрытия парка оставалось двадцать минут и у павильона ещё толпились туристы. Парк убирал свидетелей. Тэхо выключил монитор, взял шест для ламп и вышел.

Ночной Ёнхва пах мокрой бумагой, острым перцем из закрывающихся киосков и перегретыми проводами. После фестивального дождя на плитке стояли лужи, но дорожка к Фонарю Ссоры была сухой. Конечно. Мокрая плитка могла испортить баланс, ударить коленом, оставить синяк. А синяки плохо смотрелись в сценах, где люди должны были думать только о любви. Тэхо шёл быстро, но не бежал. Бег в парке означал, что ты согласился играть.

Фонарь Ссоры горел красным. Не праздничным, а густым, с тёмным краем у бумаги. Под ним парень уже убрал зонт в сторону и положил ладонь девушке на щеку. Девушка не оттолкнула его. Её плечи были подняты, дыхание сбивалось. Она боялась и хотела, чтобы страх назвали романтикой.

— Не надо, — сказала она.

Парень улыбнулся.

— Ты всегда так говоришь, когда тебе хорошо.

Тэхо ударил шестом по металлическому крюку. Фонарь дернулся, свет дрогнул. Парень обернулся, но не успел возмутиться: Тэхо схватил зонт за ручку и швырнул его в пруд.

— Эй! Ты что творишь?

Тэхо взял девушку за запястье и отвёл на два шага назад. Не мягко. Мягкость люди потом вспоминают как согласие.

— Уходите.

— Вы больной? — Девушка вырвала руку. На коже остался красный след от его пальцев.

Тэхо посмотрел на след и не отвёл глаза. Пусть будет. Пусть лучше она запомнит грубую руку, чем исчезнет без следа.

— Мы просто разговаривали, — сказал парень.

— Нет.

— Что значит «нет»?

Тэхо повернул шест горизонтально и ударил по красной ленте, завязанной на стойке фонаря. Лента была свежая: два имени, сердечко, дата. Узел не развязался, а затянулся. Тогда Тэхо достал нож и перерезал ткань.

Девушка вскрикнула так, будто резанули не ленту. Красный обрывок упал в лужу. Чернила на нём расплзлись, имена зашевелились тёмными нитками и исчезли в воде. Фонарь над ними погас не сразу. Внутри ещё тлела маленькая точка, упрямая и голодная.

Парень замахнулся. Тэхо поймал его кисть, повернул на болевой угол и опустил на колени без лишнего движения. Парень выдохнул матом. Девушка заплакала.

— Вы чудовище.

Тэхо отпустил парня.

— Да.

Это слово всегда экономило время. Девушка подняла сумку, оглянулась на фонарь, на пруд, на мокрую ленту. Слезы шли тихо, без рыданий.

— Почему мне так больно? Мы из-за чего ссорились?

Парень моргнул.

— Я... не знаю.

— Ты хотел что-то сказать.

— Наверное.

Девушка прижала ладонь к груди. Она смотрела на парня с растерянностью человека, который потерял не любимого, а причину плакать.

— К выходу, — сказал Тэхо. — По главной аллее. Не оглядываться.

— А зонт? — спросил парень глухо.

— Купишь новый.

Он проводил их взглядом, пока они не прошли за линию старых пней. Девушка шла первой, парень держался чуть позади и потирал запястье. Через несколько секунд они повернули друг к другу лица, и Тэхо увидел: узнавание вернулось, но не полностью. Они помнили, что пришли вместе. Не помнили, зачем хотели остаться. Для этой ночи этого было достаточно.

Тэхо достал из пруда зонт. Ткань была целой, ручка скользкой. На куполе проступила надпись, которой раньше не было: «Не порть момент». Он сломал зонт о колено и выбросил в служебный контейнер.

Подземный ход начинался за сторожкой, под бетонной плитой с табличкой «инвентарь». Туристы не замечали её днём, а ночью туда не подходили даже пьяные. Тэхо поднял плиту, включил фонарь и спустился.

Воздух внизу был холоднее, чем на поверхности. Стены старого хранилища покрывала известковая крошка, в швах проступали корни. Когда парк строили поверх бывшего кладбища, рабочие залили часть ходов бетоном, часть объявили аварийной, часть просто забыли внести в план. Город любил слово «реконструкция». Оно делало исчезновения административными.

На первой площадке стояли фрагменты чансын. Обломки деревянных лиц, треснувшие глаза, кусок вырезанной улыбки. Стражей спилили ради туристического павильона. Тэхо хранил их остатки, как другие хранят семейные фотографии. Дерево темнело от влаги, но иногда перед плохими ночами на старых лицах проступала красноватая пыль. Сегодня она лежала на всех обломках.

Галерея имён открывалась низким залом, где потолок давил на плечи. Длинные ряды деревянных табличек стояли вдоль стен, на полках, в ящиках, на временных подпорках. Когда-то это было родовое хранилище. Таблички держали умерших в порядке памяти: имя, место, связь. Теперь здесь лежали те, кого парк не убил, а вывел за край разговора. Смерть была проще. Смерть оставляла дату.

Тэхо зажег свечу от старой зажигалки и поставил её перед табличкой Хаын. Кан Хаын. Он проверял имя каждый раз глазами, потом губами. Не потому что мог забыть полностью. Хуже: он забывал куски. Вчера вспомнил её смех, но не смог вспомнить цвет рюкзака в выпускном классе. Неделью назад не удержал запах её шампуня. Полгода назад стёрся номер дома, где она жила до переезда к нему. Парк откусывал не человека целиком, а по мелочи. Как крыса бумагу.

— Кан Хаын.

Свеча дрогнула. На табличке узкая трещина пересекала первый слог. Тэхо провёл пальцем рядом, не касаясь линии. Дерево было холодным.

— Кан Хаын. Кан Хаын. Кан Хаын.

Голос отразился от низкого потолка и вернулся хриплым. Хаын ненавидела, когда он повторял её имя при жизни. «Опять как учитель физкультуры», — говорила она и бросала в него носком. Не попадала специально. Она умела не попадать так демонстративно, что это считалось отдельным оскорблением.

В последнюю ночь она стояла под Фонарём Первого поцелуя в жёлтой куртке, которую Тэхо отговаривал покупать. Он сказал, что цвет глупый. Хаын ответила: «Зато, если исчезну,

меня будет легко искать». Они оба посмеялись. Тогда ещё можно было смеяться над такими словами.

Парень, которого она любила, держал её за плечи. Хороший парень. Тэхо до сих пор злился именно на это: монстры облегчили бы память. Тот был вежливым, нервным, смешно поправлял очки. Он нравился Хаын. Рядом с ним она становилась мягче и злее одновременно, как люди, которые надеются на ответ и готовятся его отвергнуть.

— Я боюсь, — сказала она тогда Тэхо, пока парень покупал горячий чай.

— Его?

— Нет. Момента.

Тэхо не понял. Или не захотел понять. Парк уже работал вокруг них. Дождь шёл только над мостом, уличный музыкант играл старую песню, которую Хаын любила в детстве, люди расходились и оставляли свободный проход к фонарю. Телефон Тэхо показывал полный заряд, но сообщения отправлялись без звука и не доходили. Он видел признаки. Он выбрал другое объяснение.

— Не порть момент. Он любит тебя.

Хаын посмотрела на него так, будто просила не за любовь, а за право отступить.

— Оппа...

— Если боишься, скажи ему. Но не убегай только потому, что стало хорошо.

Он помнил свою ладонь на её плече. Вес обычного братского жеста. Никакой силы. Только маленькое давление в нужную сторону.

Парень вернулся с чаем. Хаын улыбнулась не ему, а Тэхо. В этой улыбке было: ладно, я попробую. Он кивнул. Поцелуй случился под золотым светом. Не долгий, неловкий. Парень задел очками её щеку, Хаын фыркнула в самый неподходящий момент. Тэхо успел расслабиться и подумать, что обычная жизнь не обязана быть катастрофой.

Потом фонарь над ними вспыхнул белым. Хаын исчезла между вдохом и выдохом. Парень продолжал держать руки в воздухе, как будто плечи девушки ещё были под пальцами. Через минуту он спросил:

— Простите, я кого-то жду?

Тэхо ударил его тогда. Сломал ему нос. Бесполезный, живой, кровавый след. Парень помнил удар. Не помнил Хаын. С тех пор Тэхо портил моменты до того, как они получали форму.

Он поднялся и пошёл вдоль полок.

— Чон Мисо.

Табличка женщины из аллеи желаний. Исчезла после предложения руки на мосту. Её жених помнил кольцо, но не палец, для которого купил.

— Пак Ынджу.

Школьница, которую Сону видел у закрытой лужайки. Тэхо нашёл её имя на старой форме в шкафчике, где администрация хранила забытые вещи. На фотографии лицо уже пустело.

— Ли Чанмин.

Мальчик с бумажным змеем. Родители спорили у дерева, кому он должен улыбнуться на семейном снимке. На снимке остался змей, зажатый в детской руке. Руки не было.

— Со Хиджин. Нам Гюри. Хван Тэсок. О Юн. Кан Хаын.

Имена шли тяжело. Каждое требовало дыхания. Не магическая формула, не обряд для зрителей. Работа. Мышца памяти, которую надо нагружать, пока она не сгниёт от бездействия.

В дальнем углу стояла низкая полка для новых табличек. Тэхо ненавидел её больше остальных. Пустое место всегда выглядело терпеливым. На полке лежала недоделанная дощечка. Он вырезал на ней первый слог имени Хан Юри после фестиваля. Не полностью. Полностью значило признать, что не удержит. Но дерево уже взяло отметку. Рядом лежала тонкая заготовка для Ли Сону. На ней пока не было букв, только след ножа, пробная царапина.

Тэхо взял заготовку и сломал её пополам. Дерево треснуло сухо. Из трещины поднялся запах старого дыма.

— Нет, — сказал он пустому ходу. — Не сегодня.

Телефон в кармане завибрировал. Внизу связь не работала никогда, кроме тех случаев, когда парк хотел поговорить. Тэхо достал аппарат. На экране не было номера, только чёрный прямоугольник уведомления: черновик ролика обновлен.

Миджин.

Он не открывал её аккаунт и не следил за ней через сеть. Ему не нужно было. Парк приносил то, что считал важным. На экране появилось мутное видео у навеса остановки: Юри, Сону, Миджин. Чёрный силуэт вместо его лица. Комментарии под неопубликованным роликом бежали быстрее, чем он успевал читать: «Они должны найти седьмой фонарь», «Пусть она поверит ему», «Он точно связан с её прошлым», «Смотритель знает путь».

Тэхо сжал телефон так, что корпус хрустнул. На видео Юри говорила тихо, почти без движения губ. Запись не должна была уловить фразу, но парк любил усиливать то, что вело к сцене.

— Если он знает, мы заставим его сказать.

Сону ответил:

— Значит, продолжим.

Две короткие фразы. Никакого признания. Никакого касания. Только решение, рождённое не доверием, а общей злостью. Для парка этого хватало. Лучшие сцены начинались не с любви, а с общего врага.

В галерее погасла одна свеча. Тэхо обернулся и увидел новую трещину на табличке Хаын. Она прошла от края к середине и остановилась рядом со вторым слогом, будто нож примерился и пока не нажал до конца.

Тэхо подошёл к табличке и положил ладонь на полку рядом с ней. Касаться имени без нужды он боялся. Вдруг тепло руки окажется лишним доказательством того, что живой снова опоздал.

— Кан Хаын.

Голос сорвался. Он вдохнул и повторил:

— Кан Хаын. Кан Хаын. Кан Хаын.

Трещина не исчезла. Сверху, из парка, донёсся слабый звук, будто где-то на мосту включили первый фонарь.

Глава 7. Лавка бумажных желаний

Лавка Но Ынсо не значилась на карте фестиваля, и нормального человека это должно было остановить. Миджин нашла её в комментариях под собственным неопубликованным роликом, а нормальность давно проиграла там, где речь шла о контенте, матери Юри и фонаре, которого не существовало.

Комментарий пришёл от аккаунта без аватара: «Если ищете фонарь, спросите старуху у аллеи желаний. Она продавала свет ещё до того, как парк научился лгать». Через минуту он исчез. Миджин успела сделать скриншот, потом скриншот побелел, но в памяти телефона осталась геометка: узкая боковая улица между парком Ёнхва и старой автобусной остановкой, там, где туристические ларьки кончались, а асфальт вздувался от корней.

— Это ловушка, — сказал Сону.

— Да, — ответила Юри.

— Мы всё равно идём?

— Да.

— Тогда я просто уточнил уровень здравомыслия группы.

Миджин подняла камеру.

— Назову выпуск: «Три человека с сомнительными решениями ищут лавку, которой нет на карте».

— Не снимай внутри, — сказала Юри.

— Я ещё не внутри.

— Ты уже мысленно поставила заставку.

— Потому что у меня есть уважение к структуре.

Сону шёл рядом, но не близко. После сторожки Тэхо и стены табличек он стал осторожнее с расстоянием: не лез с заботой, не шутил в больное место, не брал Юри за локоть, даже когда она останавливалась посреди тротуара. Это раздражало почти так же, как если бы он полез. Живой человек рядом всегда был неудобнее роли, которую можно заранее отвергнуть.

Улица свернула за стену парка. Здесь не было музыки фестиваля, только гул машин и редкий треск старых проводов над головой. Красные ленты с дерева у аллеи желаний виднелись за оградой: влажные, спутанные, похожие на порезанные языки.

Лавка стояла между мастерской ключей и закрытой аптекой: низкая, деревянная, с мутной витриной. За стеклом висели бумажные фонари разных размеров — белые, охристые, бледно-зелёные, синие, почти прозрачные. На вывеске не было рекламного слогана. Только три выпцетших иероглифа, корейское название и маленькая лампа у двери: «Бумага для памяти. Но Ынсо».

— Бумага для памяти? — Миджин приблизила камеру. — Очень эстетично.

— Миджин.

— Я снимаю вывеску. Вывески не страдают.

Юри дернула дверь. Колокольчик внутри звякнул негромко, как ложка о фарфор. В лавке пахло рисовой бумагой, пылью, сухими травами и старым электричеством. Узкие полки тянулись до потолка. На них лежали заготовки фонарей, кисти, мотки красной нити, карточки с номерами, коробки с деревянными ручками. В глубине стоял низкий стол, заставленный мисками с водой и чернилами. Над столом висели готовые фонари.

Юри ожидала увидеть желания. Пусть он ответит. Пусть мы будем вместе. Пусть меня выберут. Но на бумаге были имена: Ким Соджин, Пак Джиу, Чон Мисо, Ли Чанмин. Некоторые вывели ровной старческой кистью, другие — детским почерком, криво и с лишним нажимом. На одном фонаре имя повторялось пять раз, всё мельче и мельче, будто человек боялся, что первая надпись не удержит.

Сону остановился под самым большим фонарём. На его бумажном боку чернело имя, которое Юри уже знала по рассказу о стене в сторожке: Кан Хаын.

— Это сестра Тэхо, — сказал он.

Из-за занавески вышла женщина. Маленькая, сухая, с седыми волосами, собранными шпилькой. На ней был тёмный жилет поверх цветастой блузы, а на пальцах — пятна туши. Она двигалась медленно, но не слабо. Так двигаются люди, привыкшие носить вещи, которые нельзя уронить.

— Не трогайте этот.

Сону убрал руку, хотя до фонаря ещё не дотронулся.

— Вы Но Ынсо? — спросила Юри.

Женщина посмотрела на неё, потом на Сону, затем на камеру Миджин. На камере взгляд задержался дольше.

— Здесь не снимают.

— Я просто...

— Здесь не снимают, — повторила Ынсо.

Миджин опустила объектив, но не выключила аппарат. Юри услышала в ней короткое, привычное: «Если не снять, никто не поверит». Спорить вслух она не стала. Чересчур хорошо понимала.

Ынсо подошла к столу и взяла узкую кисть.

— Туристические фонари продают у парка. С сердцами, датами, смешными надписями. Вам туда.

— Нам не нужны желания, — сказала Юри.

— Тогда зачем пришли?

Сону вынул из кармана сложенный лист. На нём он переписал фразу с повреждённого экрана Юри и собственного голосового сообщения, чтобы не показывать телефоны. Телефоны вращали легче бумаги. Юри не хотела отдавать лист, но Сону уже положил его на стол.

Ынсо прочитала: «Седьмой фонарь вернёт имя тому, кого ты отпустила». Женщина не изменилась лицом. Только кисть в её пальцах согнулась. Чёрная капля упала на чистую бумагу и расплзлась пятном, похожим на маленький ожог.

Потом Ынсо закрыла ставню ближайшего окна.

— Уходите.

Миджин подняла голову.

— Что?

Ынсо двинулась быстрее, чем до этого: закрыла вторую ставню, третью, сняла с крюка лампу у витрины и погасила её двумя пальцами. Лавка погрузилась в желтоватый полумрак. Фонари под потолком не светились, но имена на бумаге будто стали заметнее.

— Все трое. Сейчас.

— Вы знаете эту фразу, — сказала Юри.

— Нет.

Ложь была грубой. Даже без дара она царапала воздух.

— Я слышала её не от вас.

— И хорошо. Значит, ещё можно не услышать дальше.

— Моя мать исчезла в парке.

Ынсо резко подняла взгляд. Старые глаза у неё были тёмные, усталые, без мягкого сочувствия. Юри приготовилась к привычному: бедная девочка, ты ошибаешься, иногда дети придумывают. Но женщина ничего не сказала. Не отрицала. Не утешала. Просто посмотрела так, будто боль Юри была фактом, а не просьбой о вере.

— Её звали Хан Соён.

На одном из верхних фонарей бумага дрогнула. Имя на нём не проявилось, но чернила в миске на столе пошли кругами. Ынсо села.

— Не произноси это имя здесь без дела.

— Для меня это не без дела.

— Именно поэтому опасно.

Сону положил ладонь на спинку стула, но не сел.

— Моего отца тоже зовут через телефон.

Ынсо закрыла глаза. И тогда Юри услышала её невысказанное: не мысль и не воспоминание целиком, а обрывок, старый и истертый до крови. «Я уже соединяла такой звонок».

Юри оперлась пальцами о край стола.

— Вы были телефонисткой.

Миджин вскинула камеру по привычке.

— Что? Откуда ты...

Ынсо повернулась к ней.

— Выключи.

— Я не...

Камера сама щёлкнула. Красная точка записи загорелась на экране, и Миджин поблела.

— Я не нажимала.

На дисплее не было лавки. Вместо Но Ынсо сидела молодая женщина в синем форменном жакете у старого коммутатора. Перед ней тянулись ряды гнезд и проводов. Лампочки мигали, как глаза в темноте. Молодая Ынсо держала штекер над пустым разъемом, а рядом на карточке номера был нарисован красный узел.

Из крошечного динамика камеры донёсся треск.

— Соедините, — сказал женский голос. — Он ждёт.

Молодая Ынсо на экране плакала. Настоящая Ынсо ударила ладонью по камере. Не по Миджин — по аппарату. Запись оборвалась, экран погас.

— Вы думаете, техника показывает правду? — спросила она. — Она показывает то, что хочет пройти через неё.

Миджин прижала камеру к груди.

— Кто это был?

— Я, когда была глупее.

— А голос?

Ынсо не ответила.

Юри обошла стол и села напротив неё. В лавке было тесно от чужих имён. Они висели над головой, лежали на полках, сохли на нитях. Каждый фонарь казался лёгким, но воздух под потолком провисал, как от мокрого белья.

— Что значит «соединяла такой звонок»?

Ынсо взяла чистую заготовку фонаря. Тонкая бумага легла на её ладонь, почти невесомая.

— Раньше люди могли пропасть просто потому, что вышли из дома. Никаких сообщений, никаких точек на карте. Телефон был не правом, а чудом. Если линия молчала, человек становился дальше смерти.

Она провела кистью по краю бумаги, но не написала ни слова.

— Однажды ночью зазвонила отключённая линия. Я знала, что она отключена. Все знали. Но лампочка горела, и женщина в трубке просила соединить её с мужем. Говорила, что он умер, не услышав главного. Говорила так, что отказать было жестоко.

— И вы соединили, — сказал Сону.

— Я дала им последний разговор. Так я думала.

Недосказанное за её словами поднялось тёмным шорохом: «После этого исчезли те, кто ещё был жив». Юри сжала руки под столом.

— Кто?

— Семья. Не вся сразу. Сначала имя в домовой книге. Потом фото. Потом соседи перестали здороваться, потому что не знали с кем. Через месяц от них остался только номер, который больше никуда не вел.

Сону тихо спросил:

— Почему фонари?

Ынсо наконец посмотрела на него без раздражения.

— Потому что бумага помнит давление руки. Чернила помнят воду. Имя, написанное живым человеком, держится дольше желания. Желание просит. Имя свидетельствует.

Она подняла один из маленьких фонарей. На нём детским почерком было написано: Ли Чанмин.

— Когда человеку пишут: «пусть он вернётся», парк слышит просьбу и берёт плату. Когда пишут имя без обещаний, без финала, без торговли, остаётся след. Слабый. Но иногда слабого хватает до утра.

Юри подумала о табличках Тэхо, о белой бирке на шарфе, о второй чашке на столе отца. Документы могли исчезнуть. Запах мог уйти. Но рука всё равно доставала чашку из шкафа.

— Седьмой фонарь существует? — спросила она.

Ынсо чересчур долго молчала.

— Слова «существует» и «нет» плохи для вещей, которые делают из чужой нужды.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который не откроет дверь.

Сону резко выдохнул.

— Нам звонят родители. Вы предлагаете просто не отвечать?

— Я предлагаю не путать голос с человеком.

Эта фраза резанула не по Сону. По Юри. Она вспомнила выключенный телефон ночью, звонок из тёмного корпуса, свою руку, зависшую над экраном. Облегчение от того, что не ответила. Стыд за облегчение.

— А если это правда они? — спросила она.

Ынсо посмотрела на фонарь с именем Хаын.

— Тогда тем более не отдавайте им свою волю. Мёртвые, которые любят, не требуют красивой сцены. Они просят жить. Иногда молча.

Миджин шмыгнула носом и сделала вид, что проверяет объектив. Сону стоял очень тихо. Юри слышала в нём пустой шум, как на кассете: место, где его отец мог бы сказать что угодно, а Сону уже был готов поверить.

Ынсо встала и ушла за занавеску. Оттуда донёсся скрип ящика, звон стекла, сухой шелест бумаги. Вернулась она с маленьким фонарём без надписи. Бумага была цвета старого риса, рёбра — тонкие, вручную согнутые. Внутри не было свечи. Только пустое металлическое кольцо.

Она протянула фонарь Юри.

— Возьми.

Юри не взяла сразу.

— Почему мне?

— Потому что ты уже знаешь цену имени, но ещё хочешь купить возвращение.

Сону нахмурился.

— Это не помощь. Это обвинение.

— Помощь без обвинения часто становится утешением. Утешение здесь опаснее ножа.

Юри взяла фонарь. Он оказался почти невесомым. От бумаги шёл слабый запах дыма и сухих трав. В пальцах появилось ощущение, будто она держит не вещь, а паузу перед словом.

— Что написать?

— Ничего.

— Тогда зачем он?

— Чтобы ты запомнила пустоту до того, как тебе предложат заполнить её.

Ынсо накрыла её ладони своими. Кожа у старухи была сухая, горячая, с чёрными пятнами туши у ногтей.

— Не зажигай его, если захочешь счастья.

Юри подняла взгляд.

— А если захочу правды?

— Тогда сначала проверь, не выглядит ли она как счастье.

Снаружи хлопнула ставня. Ветер протянулся под дверью, и фонари под потолком тихо зашелестели. Имена на бумаге дрогнули, но не исчезли.

Миджин убрала камеру в сумку. Настоящий подвиг для неё.

— Госпожа Но, — сказала она непривычно осторожно. — А если видео уже записалось?

Ынсо посмотрела на сумку.

— Тогда не корми его просмотрами.

— Кого?

— Того, кто хочет, чтобы каждый страх стал сценой.

Ответ был без объяснения, но Юрихватило. Она увидела неопубликованный ролик, комментарии до загрузки, фразы чужих зрителей: «они должны», «пусть поверит», «найдите фонарь». Зрители думали, что смотрят. Парк думал, что их зовут.

Ынсо открыла дверь. Разговор закончился без прощания.

На улице шум фестиваля обрушился резче. Из-за ограды парка доносились музыка, смех, объявления ведущего. Влажный вечер пах кукурузой, бензином и дождём, который ещё не начался, но уже был где-то в проводах. Юри убрала фонарь в сумку поверх блокнота. Сону шёл рядом, Миджин — чуть позади, одной рукой придерживая камеру, будто та могла выскочить сама.

— Она вам поверила, — сказал Сону.

— Нет. Она не стала отрицать.

— Для вас это разное?

— Это вообще разные миры.

Они вышли к аллее желаний. За оградой старое дерево было увешано красными лентами. Туристы привязывали новые, смеялись, фотографировались, писали желания маркерами из пластикового стаканчика. Девушка вывела на ткани: «Пусть он выберет меня». Парень рядом написал: «Пусть она простит».

Юри остановилась. Одна лента висела без надписи. Мокрая, тёмная, натянутая не вниз, а в сторону её сумки.

— Юри? — спросил Сону.

Внутри сумки стало тепло. Сначала едва заметно, как от телефона после долгого разговора. Потом сильнее. Бумага зашелестела сама по себе, и Юри распахнула сумку. Фонарь без имени лежал между блокнотом и повреждённым ноутбуком. Внутри пустого металлического кольца горел маленький жёлтый огонь. Без свечи. Без фитиля. Без имени. На бумажном боку медленно проступала первая чёрная точка, будто невидимая кисть только коснулась поверхности и выбирала, чьё имя написать.

Глава 8. Сцена, которой не было в сценарии

Сону получил роль во вторник утром, когда оттирал с окна чёрные следы маркера. Чернила сходили плохо. Стекло оставалось мутным, лицо в отражении — полосатым: глаз, разрезанный тёмной линией, рот из двух несовпадающих половин, подбородок, которого хватало ровно на роль человека у края кадра. Он тер сильнее, пока костяшки не побелели, и думал, что если стереть себя с окна оказалось легче, чем вернуть, это многое объясняет.

Телефон завибрировал на столе. Сообщение пришло от ассистента кастинг-директора, чьё имя Сону сохранил как «не просить лишнего». Обычно такие люди писали коротко: «Спасибо, не подошли», «Рост?», «Пришлите самопробу до полуночи», «Можете быть фоном в кафе, оплата через месяц». В этот раз сообщение было длиннее: «Ли Сону, добрый день. Вас утвердили на роль второго плана в веб-дораме „После первого дождя“. Персонаж: Мин Джэ, парень, который ищет девушку у фонарей. Съёмка сегодня, павильон Ёнхва, 14:00. Реплики прилагаем».

Сону перечитал трижды. Роль второго плана. Не прохожий. Не плечо с напитком. Не влажная архитектура чужого чувства. Персонаж.

Он открыл вложение. Сценарий загрузился не сразу: страница мигала, как старый экран в метро. Потом появился заголовок: «Сцена 12. Павильон фонарей. Мин Джэ слышит голос отца». Сону положил телефон на стол. За окном город был обычным до раздражения: соседка вывешивала бельё, курьер спорил с навигатором, на крыше напротив голубь клевал пластиковую крышку от кофе. Ничто не выглядело достаточно странным, чтобы объяснить заголовок.

Он снова взял телефон. Первая реплика Мин Джэ была короткой: «До конца фестиваля. Найди седьмой фонарь». Вторая ударила хуже: «Меня не бросили. Меня вырезали». Сону прочитал её вслух, не своим голосом. Он не хотел. Воздух сам собрал нужный тембр — ниже, теплее, с хриплой задержкой перед словом «вырезали». Голос отца лег в комнату так уверенно, будто всегда имел здесь право находиться.

Сону закашлялся и прижал кулак ко рту. На столе рядом с кассетой лежала тряпка с чёрными разводами. После лавки Ёнсо запах бумаги и сухих трав будто прицепился к его куртке и теперь преследовал даже дома.

Он набрал Дэхёна.

— У меня появилась роль.

— По твоему тону это либо роль мечты, либо опухоль.

— Парень ищет девушку у фонарей и получает фразы из звонка отца.

Пауза вышла короткой, но плотной.

— Сценарий покажешь.

— Ты мог сказать: «Поздравляю».

— Поздравляю. Сценарий покажешь.

— Ты очень романтичен для человека, который запрещает мне умирать без страховки.

— Живым актёрам легче платить налоги.

Сону отправил файл. Через минуту пришёл ответ: «Дата создания — семь дней назад. Проверь у продакшена, кто автор правок. И не повторяй вслух чужие голоса». Последняя фраза прилипла к пальцам. Не повторяй. Но работа актёра в том и состояла: повторить чужую боль так, чтобы зритель решил, будто она твоя.

Павильон Ёнхва днём был похож на выброшенный праздник. После срыва фестиваля часть декора сняли, но не убрали. На полу лежали коробки с искусственными лотосами, мокрые кабели сушились на стойках, за чёрной тканью торчали фанерные колонны. Внутри построили съёмочную версию парка: мостик без воды, бумажные фонари на леске, дерево с красными

лентами, которым управлял вентилятор. Настоящий парк начинался за стеной павильона. Сону чувствовал его, как человек чувствует чужой взгляд в затылок.

Режиссёр Ким оказался невысоким мужчиной с быстрыми руками и усталым лицом. Он говорил с актёрами так, будто держал в голове не людей, а таймкод.

— Ли Сону? Отлично. Ты Мин Джэ. Не главный герой, но важный эмоциональный крючок. Ты приходишь к фонарям, слышишь голос отца, понимаешь, что твоя любовь связана с исчезновением.

— Моя любовь?

— К девушке, которую ты ищешь.

— А она кто?

Режиссёр пролистал планшет.

— В этой серии не появляется. Только силуэт на постере. Потом посмотрим по просмотрам.

— То есть я ишу человека, которого проект ещё не утвердил?

— Жизненно, да?

Сону улыбнулся автоматически. Режиссёр улыбку не заметил.

Ассистент протянул ему распечатку. На полях были чужие пометки: «пауза», «дыхание», «смотреть на шестой фонарь», «голос почти родной». Последняя была подчеркнута красным.

— Сценарий прислали неделю назад? — спросил Сону.

— Да. Почему?

— Некоторые реплики знакомые.

— Хороший сценарий всегда кажется знакомым. Архетипы.

— А кто автор?

— Псевдоним. Сейчас все такие нежные, не хотят светить имена до релиза.

Сону посмотрел на верх страницы. В графе автора стояло: «Имя не найдено». Чернила были ровные, напечатанные, но вокруг букв бумага казалась чуть темнее, будто принтеру пришлось прожечь место для отсутствия.

— Проблема? — спросил режиссёр.

— Нет.

Это была ложь, но профессиональная. На съёмке ложь называлась готовностью.

В примерке ему замазали синяк на запястье, оставленный Тэхо. Примерша недовольно цокнула.

— Трюки были?

— Разговор с человеком, который считает суставы расходным материалом.

— Не двигайте рукой. Камера любит чистую кожу.

Сону посмотрел на себя в зеркало. Лицо стало аккуратнее, чем вчера: тени под глазами убрали, волосы уложили так, будто ветер сам выбрал правильное направление. Ему дали тёмно-серое пальто, белую рубашку и шарф с узкой синей каймой. Сону провёл пальцами по ткани и вспомнил, как Юри смотрела на исчезающее имя у стаканчика.

— Этот шарф откуда?

Примерша пожала плечами.

— Реквизит.

На площадке его поставили у мостика. Оператор проверял рельсы, звукорежиссёр цеплял петличку, осветитель поднимал прибор, чтобы фонарь за плечом дал ореол. Сону знал эти приготовления. Обычно они успокаивали: каждый кабель, каждая метка на полу означали, что реальность можно собрать руками. Сегодня синяя метка у его ботинка выглядела как предупреждение.

— Камера.

— Звук.

— Сцена двенадцать, дубль один.

Хлопушка щёлкнула. Сону сделал вдох и вошёл в роль.

Мин Джэ должен был идти к фонарям медленно, не зная, что ищет. В сценарии было написано: «Он словно слышит голос из прошлого». Сону не нужно было играть. На площадке действительно раздался шорох старой плёнки. Никто, кажется, не услышал. Оператор смотрел в монитор, режиссёр — в планшет, массовка изображала вечернюю толпу.

Сону дошёл до первого фонаря.

— До конца фестиваля, — произнёс он. — Найди седьмой фонарь.

Голос вышел его собственным. Режиссёр поднял ладонь.

— Стоп.

Сону выдохнул.

— Что не так?

— Хорошо, но мало личного. Мин Джэ слышит отца. В голосе должен быть человек, которого он ждал всю жизнь.

Сону засмеялся коротко.

— Если бы человек ждал всю жизнь, он, возможно, говорил бы хуже.

— Зритель должен понять без объяснений.

Дубль второй. Сону снова пошёл к свету. На этот раз он удержал свой тембр, но сделал дыхание рваным, дал плечам небольшую слабость, убрал лишнюю красоту. Мин Джэ не верил фонарю. Мин Джэ боялся, что поверит.

— Меня не бросили, — сказал он. — Меня вырезали.

— Стоп. Нет. Ты злишься. Нам нужна надежда.

— Человек, которого вырезали, может злиться.

— Это веб-дорама. Он говорит сыну через любовь.

— Через телефонный шум и павильон с ритуальными фонарями?

На площадке стало тише. Режиссёр посмотрел на него поверх монитора.

— Ли Сону, вы хотите переписать сцену?

Сону почувствовал, как привычка поднимается к лицу: улыбнись, сгладь, будь удобным, не потеряй роль. Роль, которую он так хотел.

— Нет. Я хочу сыграть так, чтобы человек не звучал как рекламный слоган.

Кто-то из массовки тихо прыснул. Режиссёр не улыбнулся.

— Дубль третий. Без самодеятельности.

Сону встал на метку. Синий квадрат под ногой холодил через подошву. Внутри наушника, которого на нём не было, прозвучал голос отца: «Не стой на метке». Он сбился, но камера уже шла.

Фонари вокруг вспыхнули. Реквизитор ругнулся: по плану они должны были загореться позже. Свет лег на лица массовки, и люди застыли не как актёры, а как зрители у витрины. Сону сделал шаг назад, с метки. Режиссёр открыл рот, но звук пропал. В павильоне на секунду не стало шума. Не молчание — вырезанная дорожка.

Сону сказал не реплику сценария:

— Если ты мой отец, скажи то, чего не знает эта сцена.

Собственный голос прозвучал хрипло и неловко. Плохая актёрская фраза, хорошая человеческая просьба. Из петлички на его груди ответил голос отца:

— Ты в детстве прятал разбитые чашки в ящик с носками.

Сону замер. Звук вернулся рывком: шорох кабелей, чей-то кашель, щелчок камеры. Режиссёр вскочил.

— Что это было?

Звукорежиссёр снял наушники, побледнев.

— У нас на записи не его голос.

— В смысле?

— Сейчас покажу.

Они сгрудились у монитора. Сону не хотел подходить, но ноги привели сами. На записи он стоял у фонаря и открывал рот. Фразу про чашки произносил не он. Голос был ниже, старше, с той самой задержкой перед смешком. Отец.

— Это розыгрыш? — спросил режиссёр уже без раздражения.

Сону посмотрел на звукорежиссёра.

— Удалите запись.

— Что?

— Удалите.

— Это собственность продакшена.

Сону выдернул петличку так резко, что клипса оцарапала воротник.

— Тогда не используйте мой голос.

— Это не ваш голос, — сказал звукорежиссёр и тут же понял, что сказал лишнее.

На площадке кто-то включил общий свет. Фонари погасли. Декорация снова стала фанерой, леской и мокрой бумагой. Но у Сону дрожали руки.

Он взял телефон. Хотел набрать Юри. Не набрал. Что сказать? «Моя жизнь попала в сценарий, а отец разговаривает через петличный микрофон»? Она поверит. В этом и была новая опасность. После того, что случилось с её матерью, Юри поверит не потому, что доверяет ему, а потому что нуждается в любой двери.

Сону вышел из павильона без разрешения. На улице пахло пылью после дождя и выхлопными газами. У служебного входа актёры массовки в одинаковых плащах курили под навесом. Один из них узнал его.

— Эй, Мин Джэ. Тебя ищут.

Сону почти ответил шуткой. Потом понял, что не хочет слышать имя персонажа.

— Пусть ищут не меня.

Он пошёл к метро. Телефон в кармане вибрировал: ассистент, неизвестный номер, Дэхён, снова ассистент. На экране мелькнуло сообщение от Юри: «У фонаря Ынсо появились чернила. Не знаю, чьё имя. Ты где?»

Сону остановился посреди тротуара. Написал: «На съёмке случилось...» Стёр. «Сценарий знает...» Стёр. Потом набрал: «Не зажигай ничего» — и отправил.

Ответ пришёл через несколько секунд: «Я не собиралась. Что случилось?» Он не успел написать. У входа в метро висел рекламный экран. Обычно там крутили косметику, доставку еды и фестивальные афиши. Сейчас на нём появилась заставка веб-дорамы «После первого дождя».

Сону увидел Юри. Не актрису, похожую на неё. Не случайное лицо с теми же волосами. Юри стояла на постере у моста Первого Дождя, в тёмном пальто, с мокрой прядью у щеки и выражением человека, который уже понял, что кадр ему не принадлежит. Рядом был золотой слоган: «Она не верила в свет, пока он не нашёл её».

Сону подошёл ближе. На постере не было его лица. Только плечо у края кадра, часть серого пальто и рука, протянутая к Юри. Так обрезают человека, если он нужен не как герой, а как направление взгляда.

— Простите, — сказал он женщине у автомата. — Вы видите эту рекламу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.